

Информация для цитирования:

Захарова М. В., Воронин М. В. Юридическая наука в вызовах внешней среды: от национального прошлого к столкновению с парадигмами глобализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 43. С. 19–45. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-43-19-45.

Zakharova M. V., Voronin M. V. Yuridicheskaya nauka v vyzovakh vneshney sredy: ot natsional'nogo proshl o-go k stolknoveniyu s paradigмами globalizatsii [Science of Law and Challenges of External Environment: from National Past to Collision with Paradigms of Globalization]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2019. Issue 1. Pp.19–45. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2019-43-19-45.

УДК 340.05

DOI: 10.17072/1995-4190-2019-43-19-45

**ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В ВЫЗОВАХ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ:
ОТ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОШЛОГО
К СТОЛКНОВЕНИЮ С ПАРАДИГМАМИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-15032

М. В. Захарова

Доктор публичного права (Франция), кандидат юридических наук,
член-корреспондент Международной академии сравнительного права
заведующая НОЦ Сравнительного права

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина,
123995, Россия, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

ORCID: 0000-0002-4527-9805

ResearcherID: P-5415-2016

E-mail: avis_777@mail.ru

М. В. Воронин

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права

Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

ORCID: 0000-0002-4129-2682

ResearcherID: R-5823-2016

E-mail: maksim.v.voronin@mail.ru

Поступила в редакцию 01.09.2018

Введение: статья посвящена развитию и смене парадигмы правовой науки на современном этапе. В работе проводится сравнительный и исторический анализ факторов, влияющих на развитие юриспруденции. Исследование ведется на основе принципов методологического плюрализма, учитывает цивилизационное понимание регионального развития и тенденции глобализации. Статья содержит анализ современных вызовов правовой реальности – правового регулирования геномных исследований, цифровизации социальной действительности. **Цель:** анализ ретроспективы развития юридической науки в континентально-европейском, англосаксонском и религиозно-доктринальном правовых сообществах. Отдельно рассматриваются вопросы, связанные с влиянием глобализации на современную юридическую науку разных государств. В процессе подготов-

© Захарова М. В., Воронин М. В., 2019

Information for citation:

Zakharova M. V., Voronin M. V. Yuridicheskaya nauka v vyzovakh vneshney sredy: ot natsional'nogo proshl o-go k stolknoveniyu s paradigмами globalizatsii [Science of Law and Challenges of External Environment: from National Past to Collision with Paradigms of Globalization]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2019. Issue 1. Pp.19–45. (In Russ.).–DOI: 10.17072/1995-4190-2019-43-19-45.

UDC 340.05

DOI: 10.17072/1995-4190-2019-43-19-45

**SCIENCE OF LAW AND CHALLENGES OF EXTERNAL ENVIRONMENT:
FROM NATIONAL PAST TO COLLISION WITH PARADIGMS
OF GLOBALIZATION**

The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of Research Project No. 18-29-15032

M. V. Zakharova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 123995, Russia

ORCID: 0000-0002-4527-9805

ResearcherID: P-5415-2016

E-mail: avis_777@mail.ru

M. V. Voronin

Kazan Federal University
18, Kremlevskaya st., Kazan, 420008, Russia

ORCID: 0000-0002-4129-2682

ResearcherID: R-5823-2016

E-mail: maksim.v.voronin@mail.ru

Received 01.09.2019

Introduction: the article deals with the development and the paradigm shift of the science of law at the present stage. It provides a comparative and historical analysis of the factors influencing the development of jurisprudence. The research is based on the principles of methodological pluralism and takes into account the civilizational understanding of regional development and globalization trends. The article also analyzes the challenges existing in the present-day legal reality – legal regulation of genome research and digitization of social reality. **The purpose** of this research is a retrospective analysis of the science of law development in the Continental European, the Anglo-Saxon and the religious-doctrine-based legal communities. Special attention is given to the issues related to the influence of globalization on the present-day science of law in different countries. Both general and special **methods of inquiry** were used in course of work on this article. Formulation of the doctrinal approaches to the issues covered by the article would be impossible without a comparative analysis performed within the framework of interdisciplinary (comparison of the legal doctrine with the related spheres of knowledge, such as philosophy and sociology), cross-branch (comparative analysis of approaches used in comparative law, philosophy and the theory of law and legal disciplines), cross-border (comparison of different national legal systems with each other and with the pro-

© Zakharova M. V., Voronin M. V., 2019

ки статьи использованы как общие, так и специальные **методы познания**. Формулирование доктринальных подходов к представленным в работе проблемам невозможно без проведения сравнительного анализа, осуществляемого в рамках междисциплинарного (сопоставление юридической доктрины со смежными областями знания, такими как философия и социология), межотраслевого (сравнительный анализ подходов, используемых в сравнительном праве, философии и теории права и отраслевых юридических дисциплинах), трансграничного (сравнение различных национальных правовых систем – друг с другом и с нормами международного права), а также хронологического (исторический сравнительный анализ) подходов. При помощи социологического метода и метода правового моделирования выявлены особенности социальных основ эволюции юридической науки, существующей в мировой практике. **Результатом** исследования стала многомерная доктринальная картина особенностей развития юриспруденции в странах континентально-европейского, англосаксонского и религиозно-доктринального правового сообщества. По ходу исследования авторы пришли к следующим основным **выводам**:

До начала эры глобализации эволюция юридической науки шла в непосредственной привязке к локальным сообществам.

Выход из неолита мировой юридической науки породил целый комплекс проблем правовой регламентации:

- конкуренция международных механизмов защиты участников общественных отношений с национальными институтами;
- столкновение различных правовых традиций при регулировании однородных групп общественных отношений;
- общая тенденция к утрате национальными правовыми системами своего юридического суверенитета в ряде социальных областей;
- формирование под влиянием универсальной, на первый взгляд, правовой конструкции и модели глобального мира гегемонистической презентации социальных отношений;
- появление многочисленных зон последующей пробельности права под влиянием глобализационных процессов.

Магистральной же проблемой в данном случае следует считать дискуссию об интернациональной сущности юридической науки не только в сегменте сравнительного и интеграционного права.

Ключевые слова: право; наука; эволюция; национальное; международное; сравнительное

SCIENCE OF LAW AND CHALLENGES OF EXTERNAL ENVIRONMENT: FROM NATIONAL PAST TO COLLISION WITH PARADIGMS OF GLOBALIZATION

The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of Research Project No. 18-29-15032

M. V. Zakharova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 123995, Russia

ORCID: 0000-0002-4527-9805

ResearcherID: P-5415-2016

E-mail: avis_777@mail.ru

M. V. Voronin

Kazan Federal University
18, Kremlevskaya st., Kazan, 420008, Russia

ORCID: 0000-0002-4129-2682

ResearcherID: R-5823-2016

E-mail: maksim.v.voronin@mail.ru

Received 01.09.2019

visions of international law) as well as chronological (historical comparative analysis) approaches. The sociological method and the method of legal modeling were used to identify the social foundations of the science of law evolution in global practice. **The result** of the research is a multidimensional doctrinal picture of the peculiarities of jurisprudence development in the countries of the Continental European, the Anglo-Saxon and the religious-doctrine-based legal communities. In course of the research, the authors came to the following key **conclusions**:

1) Before the era of globalization, the evolution of the science of law was directly linked to local communities.

2) The end of the 'Neolithic Age' for the global science of law has given rise to a whole set of problems associated with legal regulation:

- competition between the international mechanisms intended for protection of the participants of social relations with national institutions;
- clash of different legal traditions in regulation of homogeneous groups of social relations;
- general tendency for national legal systems to lose their legal sovereignty in a number of social areas;
- formation of a hegemonic manifestation of social relations under the influence of a seemingly universal global world model and legal framework;
- emergence of numerous zones of subsequent 'gaps in law' under the influence of globalization-related processes.

3) The key issue to be considered in this regard should be a discussion about the international essence of the science of law not only in the comparative and integration law segments.

Keywords: law; science; evolution; national; international (global); comparative

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В ВЫЗОВАХ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ: ОТ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОШЛОГО К СТОЛКНОВЕНИЮ С ПАРАДИГМАМИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-15032

М. В. Захарова

Доктор публичного права (Франция), кандидат юридических наук,
член-корреспондент Международной академии сравнительного права
заведующая НОЦ Сравнительного права

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина,
123995, Россия, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

ORCID: 0000-0002-4527-9805

ResearcherID: P-5415-2016

E-mail: avis_777@mail.ru

М. В. Воронин

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права

Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

ORCID: 0000-0002-4129-2682

ResearcherID: R-5823-2016

e-mail: maksim.v.voronin@mail.ru

Поступила в редакцию 01.09.2018

Introduction: the article deals with the development and the paradigm shift of the science of law at the present stage. It provides a comparative and historical analysis of the factors influencing the development of jurisprudence. The research is based on the principles of methodological pluralism and takes into account the civilizational understanding of regional development and globalization trends. The article also analyzes the challenges existing in the present-day legal reality – legal regulation of genome research and digitization of social reality. **The purpose** of this research is a retrospective analysis of the science of law development in the Continental European, the Anglo-Saxon and the religious-doctrine-based legal communities. Special attention is given to the issues related to the influence of globalization on the present-day science of law in different countries. Both general and special **methods of inquiry** were used in course of work on this article. Formulation of the doctrinal approaches to the issues covered by the article would be impossible without a comparative analysis performed within the framework of interdisciplinary (comparison of the legal doctrine with the related spheres of knowledge, such as philosophy and sociology), cross-branch (comparative analysis of approaches used in comparative law, philosophy and the theory of law and legal disciplines), cross-border (comparison of different national legal systems with each other and with the provisions of international law) as well as chronological (historical comparative analysis) approaches. The sociological method and the method of legal modeling were used to identify the social foundations of the science of law evolution in global practice. **The result** of the research is a multidimensional doctrinal picture of the peculiarities of jurisprudence development in the countries of the Continental European, the Anglo-Saxon and the religious-doctrine-based legal communities. In course of the research, the authors came to the following key **conclusions:**

- 1) Before the era of globalization, the evolution of the science of law was directly linked to local communities.
- 2) The end of the 'Neolithic Age' for the global science of law has given rise to a whole set of problems associated with legal regulation:
 - competition between the international mechanisms intended for protection of the participants of social relations with national institutions;
 - clash of different legal traditions in regulation of homogeneous groups of social relations;
 - general tendency for national legal systems to lose their legal sovereignty in a number of social areas;
 - formation of a hegemonic manifestation of social relations under the influence of a seemingly universal global world model and legal framework;
 - emergence of numerous zones of subsequent 'gaps in law' under the influence of globalization-related processes.
- 3) The key issue to be considered in this regard should be a discussion about the international essence of the science of law not only in the comparative and integration law segments.

Keywords: law; science; evolution; national; international (global); comparative

Невежество – изгнание человека, его отечество – наука.

Гонорий Отенский

Введение

На протяжении длительной истории человечества теоретические и практические уровни воплощения перманентно сопутствовали юридической деятельности. Еще римские юристы дали современникам и потомкам прекрасные

образцы научного осмысления юридических практик. В последнем случае, по образному выражению профессора П. Г. Виноградова, мы имеем дело с «историей призрака». Речь идет о второй жизни римского права после того, как разрушилось тело, в котором оно впервые увидело свет [6, с. 187].

Введение: статья посвящена развитию и смене парадигмы правовой науки на современном этапе. В работе проводится сравнительный и исторический анализ факторов, влияющих на развитие юриспруденции. Исследование ведется на основе принципов методологического плюрализма, учитывает цивилизационное понимание регионального развития и тенденции глобализации. Статья содержит анализ современных вызовов правовой реальности – правового регулирования геномных исследований, цифровизации социальной действительности. **Цель:** анализ ретроспективы развития юридической науки в континентально-европейском, англосаксонском и религиозно-доктринальном правовых сообществах. Отдельно рассматриваются вопросы, связанные с влиянием глобализации на современную юридическую науку разных государств. В процессе подготовки статьи использованы как общие, так и специальные **методы познания**. Формулирование доктринальных подходов к представленным в работе проблемам невозможно без проведения сравнительного анализа, осуществляемого в рамках междисциплинарного (сопоставление юридической доктрины со смежными областями знания, такими как философия и социология), межотраслевого (сравнительный анализ подходов, используемых в сравнительном праве, философии и теории права и отраслевых юридических дисциплинах), трансграничного (сравнение различных национальных правовых систем – друг с другом и с нормами международного права), а также хронологического (исторический сравнительный анализ) подходов. При помощи социологического метода и метода правового моделирования выявлены особенности социальных основ эволюции юридической науки, существующей в мировой практике. **Результатом** исследования стала многомерная доктринальная картина особенностей развития юриспруденции в странах континентально-европейского, англосаксонского и религиозно-доктринального правового сообщества. По ходу исследования авторы пришли к следующим основным **выводам:**

До начала эры глобализации эволюция юридической науки шла в непосредственной привязке к локальным сообществам.

Выход из неолита мировой юридической науки породил целый комплекс проблем правовой регламентации:

- конкуренция международных механизмов защиты участников общественных отношений с национальными институтами;
- столкновение различных правовых традиций при регулировании однородных групп общественных отношений;
- общая тенденция к утрате национальными правовыми системами своего юридического суверенитета в ряде социальных областей;
- формирование под влиянием универсальной, на первый взгляд, правовой конструкции и модели глобального мира гегемонистической презентации социальных отношений;
- появление многочисленных зон последующей пробельности права под влиянием глобализационных процессов.

Магистральной же проблемой в данном случае следует считать дискуссию об интернациональной сущности юридической науки не только в сегменте сравнительного и интеграционного права.

Ключевые слова: право; наука; эволюция; национальное; международное; сравнительное

The soul's exile is ignorance, the native land is wisdom.

Honorius of Autun

Introduction

Throughout the long history of humankind, law-related activity has invariably manifested itself in theoretical and practical planes. Roman lawyers – as far back as in their times – provided excellent examples of theoretical understanding of the prac-

tice of law for their contemporaries and future generations. In the latter case, as Professor Paul Vinogradoff put it, we are dealing with a “ghost story”. Here we are talking about a second life of Roman law after the demise of the body in which it first saw the light [6, p. 187].

Информация для цитирования:

Захарова М. В., Воронин М. В. Юридическая наука в вызовах внешней среды: от национального прошлого к столкновению с парадигмами глобализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 43. С. 19–45. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-43-19-45.

Zakharova M. V., Voronin M. V. Yuridicheskaya nauka v vyzovakh vneshney sredy: ot natsional'nogo proshl'ogo k stolknoveniyu s paradigmatami globalizatsii [Science of Law and Challenges of External Environment: from National Past to Collision with Paradigms of Globalization]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2019. Issue 1. Pp.19–45. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2019-43-19-45.

УДК 340.05

DOI: 10.17072/1995-4190-2019-43-19-45

**ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В ВЫЗОВАХ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ:
ОТ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОШЛОГО
К СТОЛКНОВЕНИЮ С ПАРАДИГМАМИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-15032

М. В. Захарова

Доктор публичного права (Франция), кандидат юридических наук,
член-корреспондент Международной академии сравнительного права
заведующая НОЦ Сравнительного права

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина,
123995, Россия, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

ORCID: 0000-0002-4527-9805

ResearcherID: P-5415-2016

E-mail: avis_777@mail.ru

М. В. Воронин

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права

Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

ORCID: 0000-0002-4129-2682

ResearcherID: R-5823-2016

E-mail: maksim.v.voronin@mail.ru

Поступила в редакцию 01.09.2018

Введение: статья посвящена развитию и смене парадигмы правовой науки на современном этапе. В работе проводится сравнительный и исторический анализ факторов, влияющих на развитие юриспруденции. Исследование ведется на основе принципов методологического плюрализма, учитывает цивилизационное понимание регионального развития и тенденции глобализации. Статья содержит анализ современных вызовов правовой реальности – правового регулирования геномных исследований, цифровизации социальной действительности. **Цель:** анализ ретроспективы развития юридической науки в континентально-европейском, англосаксонском и религиозно-доктринальном правовых сообществах. Отдельно рассматриваются вопросы, связанные с влиянием глобализации на современную юридическую науку разных государств. В процессе подготов-

© Захарова М. В., Воронин М. В., 2019

“Can there be a Renaissance without a sense of rebirth [revival]?” – asks Jacques Le Goff when assessing the medieval intellectual practices [23, p. 11]. “Of course, not”, – we would answer. And the famous French theologian and poet Pierre de Blois would only confirm this in a poetic form: “One cannot easily cross from the darkness of ignorance to the scientific light, if he does not read works of old writers with greatest love!”.

Regulations, customs, legal materials of secular rulers, the Holy Scripture, the Digest of Justinian were perceived by jurists as data to be classified and explained in terms of general principles and concepts of truth. The results were verified by logic and experience. The great contribution to the formation of scientific thought made by the jurists of the 12th century was the development of the empirical methods for checking the validity (fairness) of the existing laws, customs, solutions and of the ways of using them [4, p. 62].

This being said, the evolution of the legal maps of the past and the present gives us some typical examples of pluralism of directions in the science of law in line with the three main extratraditional styles of legal thinking, the thesis about the existence of which we put forward in our previous publications [13, p. 16–19; 14]:

1) the Continental European style (deriving its name from the key geographical area of its existence), focusing primarily on the way of law formation which is external in relation to the social environment (as a rule, legislative);

2) the Anglo-Saxon style (deriving its name from the center of its origin and development), based on the constants of sociological positivism with the process of law formation being primarily judicial rather than legislative;

3) the religious-doctrine-based style, widely spread primarily in theocratic and clerical states and based on the idea that law is of a divine nature and the creation thereof is a process of religious revelation reproduced on the material plane by either the authors of the holy books or the doctrinaires of the respective texts.

Evolution of Science of Law within the Continental European Style of Legal Thinking

Even before the formation of centralized legal systems, Continental Europe became a large-scale platform for the revival of ideas, institutions, and the world order of the era of Antiquity. This was manifested in the newly emerged fashion for the antique in the sphere of art, science and other social practices. Certainly, jurisprudence was not immune to this influence either. The spirit of Roman law gradually began to penetrate the European law and order. However, this process was preceded by a period of decline of Roman law (Franz Wieacker, the German scholar, called this era in the history of the European jurisprudence “caesura” – by analogy with the rhythmic pause in a poem [58]). Professor Vinogradoff made a very good point in this respect saying that it was the era during which Western Europe was exhausted in its struggle with overwhelming hordes of the barbarians. Metaphorically, he describes this process as “a great stream emerging into the expanse of a delta; its waters become shallow, sluggish, and discolored by the quantities of sand it carries with it” [6, p. 187–188]. At the same time, the life of Roman law in the “body” of barbarians was accompanied by distortion of the provisions of Roman law itself. Professor Vinogradoff, in particular, points out that “shrinking of the intellectual horizon” of Roman law took place in The Breviary of Alaric¹ in terms of omission and simplification of some important segments of The Institutes of Gaius (the teaching on sources of law, the teaching on the contrasting systems of the *jus civile* and the *jus gentium*). In general, in the aforementioned era, the Europeans preferred particular law to the universal maxims of Roman law. Archbishop Agobard of Lyon (8th – 9th centuries), describing the legal practice of the Frankish State, pointed out that representatives of five ethnic groups – each group adhering to its own law – gathered in one room.

“The first century of the European Renaissance” in terms of a new life of Roman law was the 12th century. A special role in the renaissance of the ancient ideas of law was played by universities.

¹ In Latin: Breviarium Alaricianum, Breviarium Alarici, Lex Romana Visigothorum – a collection of Roman law approved by Alaric II, King of the Visigoths (the Roman Law of the Visigoths).

Первоначально средневековые юристы называли университетом (*universitas*) всякий организованный союз людей [37]. В дальнейшем университеты стали фигурировать уже как *studium generale* («генеральная школа»), а не *universitas*. «Генеральная» в названии означало главенствующее положение генеральных школ над местными и локальными, так как *studium generale* предназначались для учителей и учеников всех наций и приобретенные в них степени и звания были обязательны к признанию во всех высших школах западного христианства. Человек, получивший ученую степень в одной генеральной школе, приобретал способность учить везде (*facultas docendi ubique terrarum*), т. е. во всякой другой генеральной школе [23].

Особую роль в возрождении римского права в средневековой Европе сыграли Болонский университет и юридическая школа глоссаторов. Этот университет был основан германским императором Фридрихом I Барбароссой в 1158 г. Чуть позже будут основаны университеты в современных нам Великобритании и Франции (датой основания Оксфордского университета считается 1176 г., Парижского – 1200 г.).

Определяющее значение в создании знаменитой болонской школы приписывают маркграфине Матильде – одной из сподвижниц римского папы Григория VII. Кроме культурно-интеллектуальных задач, учреждение болонской школы преследовало и политические цели: в противовес равенской школе права, стоявшей на стороне германского императора, Матильда хотела иметь научный центр права, который бы действовал в интересах папы.

На какое-то время Болонский университет стал моделью, прообразом средневекового университета, управлявшегося студентами и нанимавшего профессоров для их обучения [40, с. 9].

В качестве базового правового документа для толкования глоссаторы (Ирнерий, Плацентин, Ацо, Аккурсий) избрали Дигесты Юстиниана. А в качестве головной линии оценки текста – схоластику. Она представляла собой сочетание теологического учения об иерархической структуре бытия с правилами древнегреческой формальной логики изложения «последнего римлянина» Северина Боэция (ум. 524 г.), переводчика логических трактатов с греческого на латинский язык. В схоластичес-

кой парадигме мир представлен пирамидой авторитетных истин и сущностей. В гносеологическом плане авторитетным текстам приписывается большая достоверность, нежели реальности; иными словами, утверждается приоритет Откровения и выведенных из него абстрактных суждений над эмпирическим знанием. Благодаря схоластике средневековые юристы определили не только перечень авторитетных источников и общих мест в юридической аргументации, порядок изложения материала в учебных и научных целях, но и применимые в правовой дискуссии правила выведения умозаключений [34, с. 281].

Новеллой научно-образовательного процесса, которая была предложена глоссаторами (в числе первых здесь называют Булгара), стали имитационные судебные процессы, в которых участвовали как студенты, так и преподаватели.

Венцом творческой деятельности глоссаторов профессор Анерс называет работу Аккурсия «*Glossa Ornaria*». Некоторые исследователи склонны полагать, что эта работа превзошла даже сами Дигесты Юстиниана.

Для школы глоссаторов были характерны несколько приемов объяснения текста закона. В первую очередь следует говорить о сентенциях, т. е. о суммированном изложении текста закона. Также использовались и *distinction* – систематические обзоры различных аспектов запутанных казусов.

Так называемые поздние глоссаторы, или консилиаторы (от лат. *consilium* – совет), перевели указанную юридическую школу из зоны сугубо научного поиска в практико-ориентированную форму творческой деятельности. Существенной заслугой консилиаторов также стала новаторская практика использования единой системы, «представляющей собой сплав правовых норм с действующим тогда законодательством, и в первую очередь благодаря и использованию труда известного юриста Аккурсия «*Glossa Ordinaria*» («Собрание глосс») в качестве источника по отечественному законодательству и правовым традициям» [2, с. 168].

Каждая из двух образованных позже матричных правовых систем континентальной Европы (французская и немецкая) имела свои характерные формы и практики «вдохновения» римским правом для формирования национального права.

Originally, the medieval lawyers called a university (*universitas*) any organized union of people [37]. Later on, universities came to be called *studium generale* (“general school”) instead of *universitas*. The “general” part in the name meant the dominant position of general schools over local ones, since *studium generale* was intended for teachers and students of all nations, and the degrees and titles acquired in *studium generale* were meant to be regarded as valid in all higher education institutions of the Western Christianity. After receiving a degree in a general school, a person became able to teach anywhere (*facultas docendi ubique terrarum*), i.e. in any other general school [23].

A special role in the revival of Roman law in medieval Europe was played by the University of Bologna and the legal school of glossators. The university was founded by the German Emperor Frederick I Barbarossa in 1158. A bit later, universities existing in the present-day Britain and France would be founded (1176 is considered to be the founding date of the University of Oxford, and 1200 – that of the University of Paris).

The paramount role in the creation of the famous Bologna School is attributed to Margravine Matilde – one of the associates of Pope Gregory VII of Rome. In addition to cultural and intellectual tasks, the establishment of the Bologna School pursued political goals: to rival the Ravenna School of Law, which was on the side of the German Emperor, Matilda wanted to have a law science center acting in the interests of the Pope.

For a certain period of time, the University of Bologna became a model – a prototype – of a medieval university, which was managed by students and hired professors to teach them [40, p. 9].

Glossators (Irnerius, Placentinus, Azo, Accursius) selected The Digest of Justinian as the basic legal document for interpretation, and scholasticism as the leading line of text assessment. Scholasticism combined a theological doctrine of the hierarchical structure of existence and the rules of the formal logics of the Ancient Greece as per the “last Roman” Severinus Boëthius (died: 524), the translator of logical treatises from Greek into Latin. In

the scholastic paradigm, the world is represented by a pyramid of authoritative truths and entities. In gnosiological terms, authoritative texts are believed to be more true and accurate than reality; in other words, the priority of the Revelation and abstract judgments derived therefrom over empirical knowledge is affirmed. Owing to scholasticism, medieval lawyers determined not only the list of authoritative sources and common points in legal argumentation, the order of presentation of material for educational and scientific (research) purposes, but also the rules of coming to conclusions to be used in legal discussions [34, p. 281].

The novelty of the academic process, which was proposed by the glossators (Bulgarus is believed to be among the first ones in this instance), was imitation court trials with both students and teachers participating.

Professor Anners calls *Glossa Ornaria* by Accursius the crowning achievement of glossators. Some researchers tend to believe that this work surpassed even The Digest of Justinian.

A characteristic feature of the school of glossators was using several methods of law text interpretation (explanation). First of all, they dealt with *sententiae*, i.e. the summaries of law texts. *Distinctiones* – systematic reviews of various aspects of complicated incidents – were also used.

The so-called late glossators, or conciliators (deriving from the Latin word *consilium* – council), moved the aforementioned legal school from the zone of a purely academic research to the practice-focused form of creative activity. A major achievement of the conciliators was also the innovative practice of using a unified system, “representing a fusion of legal provisions with the then applicable legislation, primarily by virtue of using *Glossa Ordinaria* (*Collection of Glosses*) – the work by the well-known jurist Accursius – as a source on domestic legislation and legal traditions” [2, p. 168].

Each of the two matrix-type legal systems of the Continental Europe which developed later (French and German) had its own characteristic forms and practices of “taking inspiration” from Roman law for national law development.

В отношении Франции следует отметить, прежде всего, знаменитый провансальский трактат римского права, предназначенный для судей, – «Lo Codi», а также «Coutume de Beauvaisis», составленный между 1279 и 1283 гг. Филиппом де Реми, сиром Бомануар.

Германские территориальные сообщества по причине их чрезвычайной раздробленности (как отмечает профессор П. Г. Виноградов, их юрисдикция и право были как бы раздроблены на массу крупных и мелких обломков [6, с. 247]) обратились к практике римского права несколько позднее, чем их французские визави, – только в XV в. Во многом такое обращение основывалось на недовольстве партикулярным правом. Так, в «Зерцале исков» (XV в., составлен в пограничном округе между Швабией и Франконией) автор отмечает, что его огорчает неопределенность германского обычного права и он хотел бы утвердить законы своего отечества на максимах римской кодификации.

Если рецепцию римского права на континентально-европейской почве следует считать находением нового тела для вечного духа и отчасти вненационального духа памятника античного права, то немецкие и французские учения о праве начала XIX в. – доктринальным утверждением идеи национального права.

В Германии заметную роль в указанном процессе сыграла немецкая классическая философия. По справедливому замечанию профессора А. В. Кресина, именно «Кант, откровенный последователь Руссо, в своей работе “Вечный мир” (1795 г.) окончательно утвердил социальность права и особенное в праве через идею национального права, провозгласив государство “моральной личностью”» [21, с. 198].

Историческое обоснование идеи национального права было представлено в Геттингенской школе, основанной в середине XVIII в. И. С. Пюттером и А. Ф. Шоттом. В частности, Пюттер в «Очерке государственного и монаршего права Германии» (1779 г.) сформулировал презумпцию общего права Германии, несмотря на различия в позитивном праве немецких государств [21, с. 200]. Однако наиболее последовательно и системно концепт национального немецкого права был развит представителями исторической школы права. В основе этой школы лежала идея «народного духа» (Volksggeist). Они исходили из того, что, подобно возникновению, дальнейшее развитие права

стоит в органической связи с сущностью и характером народа: им управляет тот же закон внутренней необходимости [31].

Представители исторической школы права, по сути, предлагали юридическую конструкцию «на вырост». Без единого государства на политической карте мира они утверждали идею единого национального права.

Да и сама эта конструкция, радикальная в крайних своих проявлениях (ее представители, в частности, негативно относились к иностранным заимствованиям), встретила критику со стороны современников. Профессор Тибо, полемизируя с представителями исторической школы права, отмечал: «Если человек следует своим прихотям, своей ограниченности и каждому побуждению, как это обыкновенно бывает, и если таким образом проистекают различные законы и учреждения, то это лишь объясняет результат, а не оправдывает его. Право должно стремиться к тому, чтобы объединить людей, а не закреплять различие их косных привычек; оно должно не льстить их дурным свойствам, а приводить их к полному сознанию и вырывать из омута жалкой самостоятельности и ничтожности» [32, с. 77, 78].

Во Франции дело обстояло несколько иначе. К началу XIX в. были заложены все необходимые политические основания для создания единых правовой и государственной систем. Великая французская революция не только положила конец старому монархическому режиму, но и свела на нет правовой партикуляризм прошлой эпохи. На его месте была создана правовая система, базирующаяся на своеобразной нормативной системе (в ее основе лежала идея кодификации ключевых отраслей права¹) и системе правовой интерпретации. В последнем

¹ Начало XIX столетия называют золотым веком французской кодификации. Первым и наиболее востребованным кодексом стал Гражданский кодекс 1804 г. (действует по настоящее время). Именно его Наполеон назовет своей самой выдающейся заслугой, а Стендаль будет советовать читать будущим писателям с тем, чтобы проникнуться духом прекрасного французского языка. Помимо многочисленных содержательных новелл, которыми был наполнен Гражданский кодекс Наполеона, данный акт стал матрицей для системы построения гражданских кодексов других стран согласно институциональной модели (за основу была взята система построения Институций Гая), а также теоретической моделью для проведения кодификационных работ как таковых (идея так называемой всеохватывающей кодификации). Чуть позже будут приняты французские гражданско-процессуальный, уголовный, уголовно-процессуальный и торговый кодексы.

With regard to France, the first one to be noted in this respect should be the famous Provençal treatise of Roman law, intended for judges – *Lo Codi* – as well as *Coutume de Beauvaisis* composed between 1279 and 1283 by Philippe de Rémi (lord of Beaumanoir).

German territorial communities, due to being extremely fragmented (as Professor Vinogradoff pointed out, their jurisdiction and law were essentially divided into a lot of large and small fragments [6, p. 247]), resorted to the practice of Roman law somewhat later than their French counterparts – only in the 15th century. In many ways, the reason for such resort was dissatisfaction with particular law. For example, the author of the *Mirror of Legal Practice* (15th century, composed in the border district between Swabia and Franconia), points out that he is upset by the ambiguity [vagueness] of German customary law and would like to establish the laws of his homeland based on the maxims of the Roman codification.

While the reception of Roman law on the Continental European soil should be viewed as finding a new body for the eternal spirit and – to a certain degree – the non-national spirit of the monument of ancient law, the German and French teachings on law of the early 19th century should be viewed as a doctrinal assertion of the idea of national law.

A prominent role in this process in Germany was played by the German classical philosophy. Professor Alexey Kresin made a very good point in this respect saying that it was “Kant, an outspoken follower of Rousseau, who in his work *Perpetual Peace* (1795) conclusively asserted the sociality of law and the particular in law through the idea of national law, proclaiming the state to be a ‘moral personality’” [21, p. 198].

The historical rationale for the idea of national law was provided in the Göttingen school founded in the middle of the 18th century by Johann Stephan Pütter and August Friedrich Schott. In particular, Pütter, in his *Overview of the State and Monarchy Law in Germany* (1779) formulated the presumption of common law in Germany despite the differences in positive law of the German states [21, p. 200]. However, the most consistent and comprehensive development of the concept of national German law was carried out by the representatives of the historical school of law. This school was based on the idea of the “national spi-

rit” (*Volksggeist*). They assumed that – just like its nascence – the further development of law had an organic connection with the essence and character of a nation: it was governed by the same law of internal necessity [31].

The representatives of the historical school of law essentially proposed a legal framework “with room to grow into”. Without having a unified state on the political map of the world, they asserted the idea of unified national law.

And indeed, that framework – radical in its extreme manifestations (for example, its representatives had a negative attitude towards foreign borrowings) – met criticism from its contemporaries. Professor Thibaut, arguing with the representatives of the historical school of law, pointed out: “If a person follows their whims, their narrow-mindedness and every impulse, as is usually the case, and if various laws and institutions arise that way, this only explains the result but does not justify it. Law should aspire to unite people instead of reinforcing the difference of their inert habits; instead of flattering their bad traits, it should bring them to full consciousness and pull them out of the maelstrom of petty independence and insignificance” [32, p. 77, 78].

In France the situation was somewhat different. By early 19th century all the necessary political foundations for creation of unified legal and state systems were laid. The Great French Revolution, in addition to putting an end to the old monarchical regime, also negated the legal particularism of the preceding era. It was replaced by a legal system based on a kind of normative system (centered around the idea of codifying the key branches of law¹)

¹ The beginning of the 19th century is called the golden age of French codification. The first and the most widely used code was the Civil Code of 1804 (which is still valid nowadays). It was the Code which Napoleon would call his most outstanding achievement, and Stendhal would advise for reading to future writers in order to enter into the spirit of the beautiful French language. In addition to numerous substantive legislative innovations constituting Napoleon's Civil Code, this document became a matrix for the system of development of other countries' civil codes in accordance with the institutional model (the system of composition of *The Institutes of Gaius* was taken as a basis) as well as a theoretical model for the process of codification as such (the idea of the so-called all-embracing codification). The French Code of Civil Procedure, Criminal Code, Code of Criminal Procedure and Commercial Code would be adopted a bit later.

случае речь идет о так называемой L'École de l'exégèse. Как отмечают французские исследователи, учение о толковании L'École de l'exégèse можно свести к двум несложным тезисам: «Все право вмещается в писанный закон» и «Юрист должен просто извлечь его оттуда, следуя за волей законодателя» [50, с. 142]. И только к концу XIX в. радикализм и формализм школы экзегетов удалось преодолеть путем развития идей школы «свободного права» [24, с. 51]. Заметную роль в этом развитии сыграл французский социолог права Ф. Жени, утвердивший идею о том, что «в случае неполноты или отсутствия закона судья не может отказаться в правосудии, но найти решение он должен путем анализа фактов, лежащих вне права, т. е. на основе “свободного права”» [24, с. 51].

Развитие юридической науки в рамках англосаксонского стиля правового мышления

Англичане издавна гордятся своей правовой системой с ее *common law* и *common wealth* именно потому, что она самобытна. Англия вообще самодостаточна: она на островах, у нее собственные меры длины и веса, левостороннее движение, здесь христианство стало англиканским и пуританским, здесь возникли экономическая, политическая, моральная, социальная арифметика, сенсуализм и эволюционное учение [10, с. 5].

Самобытность правовой системы Англии и ее более поздних правовых систем – реципиентов базируется на ряде доктринальных максим и положений:

1. Прежде всего следует сказать о конструкции правового прецедента в Великобритании. Данную конструкцию нельзя считать идентичной системе судейского права как таковой, которая сложилась, например, в странах континентально-европейского стиля правового мышления (фр. *jurisprudence*, например). Прецедент в Великобритании состоит из двух основных композиционных блоков: *ratio decidendi* (сущность решения) и *obiter dictum* (попутно сказанное). При этом вопрос о разграничении этих двух сегментов правового прецедента, как отмечает профессор Р. Кросс, с одной стороны, является очень старым¹,

¹ Еще в 1673 г. судья Воган утверждал: «Не положенное в основу приговора мнение, которое могло бы быть вы-

а с другой – он в определенной мере сравним по степени бесплодности с «погоней за дикими гусями» [22, с. 66]. Английские правила определения *ratio decidendi* – это, прежде всего, многочисленные доктринальные подходы к заданной проблеме, которые не всегда между собой коррелируют. Так, профессор Уэмбо предложил применять метод инверсии при определении искомого *ratio decidendi*. Согласно данному методу необходимо сначала тщательно сформировать предполагаемое правовоположение; затем изменить это положение его реверсивным значением; а потом постараться понять, мог ли суд, приняв это новое правовоположение, вынести такое же решение: если ответ будет положительным, то тогда, как бы ни было прекрасно первоначальное правовоположение, дело не будет прецедентом, а при отрицательном ответе – будет. То есть *ratio decidendi* при использовании такого метода представляет собой общую норму, без которой дело решалось бы иначе [22, с. 68].

2. Правовая система Великобритании базируется на принципе консерватизма, выраженном в известной формуле *stare decisis* – «решить так, как было решено ранее», а также в формуле *like cases are treated alike* – «сходные правила должны решаться сходным образом». Принцип полной связанности высших судебных инстанций Великобритании ранее вынесенными судебными решениями удалось преодолеть только к середине XX в. В 1966 г. лорд-канцлер сделал знаковое заявление о том, что палата лордов по-прежнему будет считать свои прежние решения обязательными для себя, однако она вправе изменить практику, отступив от прежнего решения, когда сочтет это необходимым [22]. (В результате конституционной реформы 2005–2009 гг. палата лордов утратила свои судебные функции.)

3. Догматизм сложившейся в Великобритании после 1066 г. системы *common law* удалось в определенной системе скорректировать через естественно-правовую по своему звучанию систему *law of equity* («право справедливости»), которую принято ассоциировать с юрисдикцией

сказанным независимо от приговора или, наоборот, как подход к нему, не является судебным мнением. Оно не более чем *gratisdictum* (добровольное заявление) (дело *Bolev. Horton*). Цит. по: Кросс Р. Прецедент в английском праве. М., 1985. С. 57.

and legal interpretation system. In the latter case, we are referring the so-called L'École de l'Exégèse. As French researchers point out, the doctrine of the interpretation by L'École de l'Exégèse can be reduced to two simple theses: “Law in its entirety is contained in written legislation” and “A lawyer should simply extract it therefrom following the will of the legislator” [50, p. 142]. It was only by the end of the 19th century that the radicalism and formalism of the school of exegetes were overcome through developing the ideas of the “free law” school [24, p. 51]. A prominent role in this development was played by the French sociologist of law François Géný who put forward the idea that “in case of incompleteness or unavailability of a law, a judge cannot refuse to administer justice and should find a solution through analyzing the facts outside law, i.e., based on ‘free law’ ” [24, p. 51].

Development of Science of Law within the Anglo-Saxon Style of Legal Thinking

The British have long been proud of their legal system with its *common law* and *common wealth* precisely because it is unique... Britain is essentially self-sufficient: it is located on islands, it has its own measures of length and weight, driving is on the left, Christianity became Anglican and Puritan here, it is the birthplace of economic, political, moral and social arithmetic as well as sensualism and evolutionary theory [10, p. 5].

The uniqueness of the British legal system and of the later recipient legal systems thereof is based on a number of doctrinal maxims and provisions:

1. First of all, the structure of legal precedent in Britain should be mentioned. This structure cannot be considered identical to the system of “judge-made” law as such in the form which developed, for instance, in the countries of the Continental European style of legal thinking (e.g., the French *jurisprudence*). In Britain, precedent consists of two main components: *ratio decidendi* (“the rationale for the decision”) and *obiter dictum* (“said in passing”). At the same time, the issue of the delimitation of these two components of legal

precedent, as pointed out by Rupert Cross, on the one hand, is very old¹, and on the other hand, can – to a certain extent – can be compared to “wild goose chase” in terms of the degree of its fruitlessness [22, p. 66]. The British rules of determining *ratio decidendi* are primarily the numerous doctrinal approaches to a given problem which do not always correlate with each other. For instance, Professor Wambaugh proposed to apply the inversion method [inversion test] in order to identify the *ratio decidendi*. According to this method, you must first frame carefully the supposed proposition of law; then insert in the proposition a word reversing its meaning; and then try to understand whether, if the court had conceived this new proposition to be good, the decision could have been the same: if the answer is affirmative, then, however excellent the original proposition may be, the case is not a precedent [for that proposition], but if the answer be negative the case is a precedent [for the original proposition and possibly for other propositions also]. I.e., when using this method, *the ratio decidendi* must be a general rule without which the case must have been decided otherwise [22, p. 68].

2. The legal system in Britain is based on the principle of conservatism expressed in the well-known formula *stare decisis* (“to stand by things decided”) as well as in the formula *like cases are treated alike* (“decisions on similar cases must be made in similar ways”). The supreme judicial authorities of Britain were completely tied up by the previous court decisions, and this situation came to an end only by the mid-20th century. In 1966, Lord Chancellor made a historic statement, saying that the House of Lords would still treat their former decisions as normally binding, however, they can modify their practice and depart from a previous decision when it appears right to do so [22]. (As a result of the constitutional reform of 2005–2009, the House of Lords lost its judicial functions.)

3. The dogmatism of the *common law* system established in Britain after 1066 was somewhat corrected through the *law of equity* s

¹ As long ago as 1673, Judge Vaughan argued: “An opinion given in court, if not necessary to the judgment given of record, but that it might have been as well given if no such, or a contrary had been broached, is no judicial opinion, but a mere *gratis dictum*” [*Bolev v. Horton*].

суда лорда-канцлера. Формально датой рождения «права справедливости» считают 1474 г., когда лорд-канцлер начал выносить решения от своего имени, а не от имени суверена. Известный специалист по истории Англии П. Г. Виноградов охарактеризует *law of equity* в качестве «либеральной интерпретации “общего права”» [56, p. 41], а английский юрист XVII столетия Джон Селден подчеркнет, что «право справедливости для права в целом – все равно, что духовность для религии, иначе говоря, – то, что каждый хочет в ней увидеть» [55, p. 45]. Именно благодаря системе *law of equity* английское право получило такие институты, как траст, исполнение в натуре, ректификация.

4. Социологизм английского права базируется на ключевом принципе *ubi jus ibi remedium* – «где право, там и средства его защиты». Задолго до активной разработки социологической юриспруденции в странах англо-американского юридического мира он активно применялся в английской юридической практике. По сути, Р. Паунд, Дж. Фрэнк, отождествляя право с правопорядком, создавали автопортрет правовой системы, в рамках которой они были воспитаны. Данная картина мира вряд ли будет реалистичной для правовых систем континентально-европейского мира и совсем не будет соответствовать максимам чистого учения о праве Ганса Кельзена, который «рисовал» свою пирамиду юридических норм с натуральных пейзажей родной Европы.

5. Индуктивный характер правового мышления, свойственный англосаксонской правовой традиции, стал одновременно и головной линией для указанного правового сообщества, и основой для частных специфик правовых систем, принадлежащих к нему. В последнем случае, в частности, можно говорить о конструкции «спящего» прецедента, сложившегося в Великобритании: при отвержении прецедента вышестоящим судом (*disapproving*) он переходит в разряд «спящих» и, соответственно, при изменении социальных условий вновь способен вернуться к жизни.

Непосредственно в Великобритании частью действующей правовой системы становится правовая доктрина ее видных представителей. По количественным характеристикам данный сегмент правовой системы вряд ли сопоставим с правовыми системами зоны религи-

озно-доктринального стиля правового мышления. Однако по значимости для эволюции правовых систем английская правовая доктрина не уступает религиозно-правовым учениям. При этом, в отличие от континентально-европейского юридического мира, формированием правовой доктрины в Великобритании занимались не сугубо академические *juris doctor*, а действующие юристы-практики [57, pp. 31–33]. Работы Г. Брэктона, У. Блэкстона, Р. Глэнвила оказали существенное влияние на формирование теории правовой интерпретации в Великобритании и в целом на определение облика так называемого функционального элемента правовой системы. Так, с именем Г. Брэктона связывают доктрину аналогии, действующую в английском праве (так называемая *similibus ad similia* Брэктона). Данная доктрина позволила, по справедливому замечанию судьи Э. Кука, сформировать корпоративную традицию, весьма устойчивую к разнообразным политическим манипуляциям со стороны публичной государственной власти: беспристрастно следуя аналогии фактов, судья повиновался праву, а не власти [29, с. 314]. У. Блэкстон посредством анализа значительного количества судебных прецедентов предложил используемые по сей день правила толкования правовых предписаний. Среди них, в частности, исследователи выделяют следующие:

1. Самым действенным методом интерпретации воли законодателя следует считать метод, направленный на изучение его намерений во время принятия правового акта.

2. Слова следует понимать в их общепринятом и известном значении – с точки зрения как грамматики, так и характерного употребления.

3. Если грамматическое значение слова либо понимание его в общепринятом смысле не позволяют с уверенностью истолковать значение нормы, ее смысл можно понять из контекста интерпретируемого закона, выделив аналогичное слово или фразу и сравнив с ними интерпретируемый текст.

4. Одна часть статута должна быть так истолкована другой, чтобы в целом документ имел силу и действие, а не так, чтобы в результате толкования какая-либо часть статута была нивелирована, т. е. должен быть принцип системности толкования.

system (having a natural law feel) which is generally associated with the jurisdiction of the Lord Chancellor's Court. Formally, the date of birth of *law of equity* is considered to be 1474, when Lord Chancellor began making decisions on his own behalf instead of on behalf of the sovereign. The well-known expert on the history of England, Paul Vinogradoff, characterizes *law of equity* as a “liberal interpretation of the ‘common law’” [56, p. 41], while the 17th century English lawyer John Selden points out that “equity in law is the same that the spirit is in religion, what everyone pleases to make it” [55, p. 45]. It is exactly due to the *law of equity* that English law received such institutions as trust, specific enforcement and rectification.

4. The sociologism of English law is based on the key principle of *ubi jus ibi remedium* (“for every wrong, the law provides a remedy”). Long before the active development of sociological jurisprudence in the countries of the Anglo-American legal world, it was actively used in the British legal practice. In fact, Roscoe Pound and Jerome Frank, equating law with the rule of law, created a self-portrait of the legal system within which they had been brought up. This picture of the world is unlikely to be realistic for the legal systems of the Continental European world and will not at all correspond to the maxims of the pure theory of law put forward by Hans Kelsen, who “painted” his pyramid of legal provisions looking at the natural landscapes of his native Europe.

5. The inductive nature of legal thinking, which is characteristic of the Anglo-Saxon legal tradition, became both the leading line for this legal community and the basis for the specific particulars of the legal systems belonging thereto. In the latter case, for instance, we can speak about the “sleeping” precedent concept prevailing in the UK: when a precedent is disapproved by a higher court, it becomes a “sleeping” one, and, accordingly, with a change in social conditions, it may come back to life.

In Britain proper, the legal doctrine of prominent representatives of the existing legal system became a part of the legal system. In quantitative terms, this segment of the legal system is hardly comparable to the legal systems of the religious-doctrine-based style of legal thinking. However, in

terms of importance for the evolution of legal systems, the English legal doctrine is not inferior to religious law teachings. At the same time, in contrast to the Continental European legal world, the legal doctrine in Britain was developed by practicing lawyers rather than by purely academic *juris doctors* [57, p. 31–33]. A significant influence on the formation of the theory of legal interpretation in Britain and on the definition of the image of the so-called functional element of the legal system in general had the works of Henry of Bracton, William Blackstone, Ranulf de Glanvill. For instance, the doctrine of analogy existing in English law is associated with the name of Bracton (the so-called Bracton's *similibus ad similia*). Judge Edward Coke made a very good point saying that this doctrine allowed forming a corporate custom highly resistant to various political manipulations on the part of government (public authorities): while impartially following the analogy of facts, the judge obeyed the law rather than the government [29, p. 314]. William Blackstone, after analyzing a great deal of judicial precedents, suggested the rules of interpretation of legal provisions which are still used nowadays. In particular, the researchers distinguish the following ones:

1. The most effective method to interpret the will of the legislator is by exploring his intentions at the time when the law was made.

2. Words are to be understood in their usual and most known signification; both regarding the propriety of grammar and their general and popular use.

3. If the grammatical meaning of a word or understanding thereof in the usual and most known signification do not allow interpreting the meaning of a law provision with certainty, the meaning can be understood from the context of the law under interpretation by singling out a similar word or phrase and comparing the text which is being interpreted therewith.

4. One part of the statute is to be interpreted in the other part of the statute in such a way that the document as a whole remains in full force and effect in order to avoid the situations when, as a result of interpretation, some part of the statute is cancelled out [rendered null and void], i.e., the principle of a systematic approach to interpretation is to be followed.

5. При темпоральных коллизиях статутов между собой, с одной стороны, действует известный еще с античных времен принцип *leges posteriores priores contrarias abrogant*, а с другой – в случае, если более поздний статут был отменен, предшествующий ему и вступивший с ним в коллизию статут возобновляет свое действие без каких-либо дополнительных формальных процедур (принцип *implied repeal*, т. е. косвенной отмены [30, с. 78–80]).

6. Судья должен опираться не на отдельное ранее принятое решение, а на ряд единообразных решений в силу того, что основано на двух предпосылках: 1) ощущение исторической уместности прецедента и всего права в целом; 2) убежденность в том, что составляющие его решения являются результатом упорядоченного процесса рассуждения и осмысления общего опыта [54].

Своеобразие правовых систем зоны англосаксонского стиля правового мышления позволяет в определенной мере говорить об их преимуществах по отношению к правовым системам континентально-европейского юридического мира. Главное из них заключается в гибкости правовой системы, порождаемой индуктивным стилем правового мышления, доминирующего здесь. Закон, например, не может «заснуть» на некоторое время, а потом «пробудиться ото сна», как это делают английские прецеденты. Он либо часть объективной реальности, либо нет: является либо действующим, либо отмененным. Вместе с тем в юридических практиках англосаксонского мира можно наблюдать и ряд элементов, препятствующих их эволюции. Прежде всего это относится к принципу консерватизма, описанному нами ранее.

Развитие юридической науки в рамках религиозно-доктринального стиля правового мышления

Религиозные правовые системы, в отличие от аналогичных правовых систем светского характера, не обладают системой позитивного права, полностью способной выполнить функции правового регулирования. Сакральные тексты несут в себе, прежде всего, духовные максимы, а не регламентационный потенциал. В дополнение к ним в указанных правовых сис-

темах активно используются интерпретационные доктринальные практики юристов, выполняющие правотворческие функции. И если сакральные тексты имманентны по своей сути, то в толковании и учениях юристов о праве мы можем проследить в определенной мере динамический аспект развития религиозных правовых систем (исключение составляют религиозные правовые доктрины, которые не поддаются развитию, как и религиозные тексты как таковые). Таким образом, наука о праве здесь становится правом как таковым.

Проследим указанные закономерности религиозно-доктринального стиля правового мышления на примере трех юридических блоков:

- 1) иудейское право;
- 2) каноническое право;
- 3) исламское право.

Иудейское право имеет ряд доктринальных сегментов:

1. *Каббала* – иудейское мистическое учение, рассматриваемое первым правовым источником с точки зрения времени и по отношению к другим источникам. Этот источник постоянен, и его положение в еврейском праве статично, поскольку в силу своей природы он не поддается развитию и изменениям [33, с. 11].

2. *Мидраш* – толкование и комментирование Торы. Являясь первичным и основным объектом интерпретации, Тора уже в своем текстуальном изложении и структуре закладывала причины и необходимость ее толкования (неопределенность текста, совмещение абстрактности и казуистичности в изложении норм, отсутствие хронологии), которые в совокупности с многочисленными внешними факторами стимулировали развитие интерпретации [25, с. 263].

Профессор М. Элон отмечает, что мидраш схож с понятиями *interpretatio* (лат.) в римском праве и *interpretation* в английской юриспруденции. Вначале при рассмотрении нормативных актов было принято различать мидраш и *interpretation* как анализ внутреннего содержания написанного, попытку проникнуть в дух закона и перуш и *commentary* в качестве объяснения закона, в форме изложения текста более простыми и понятными словами [17, с. 42].

5. In the event of temporal collisions between statutes, on the one hand, the known from ancient times principle of *leges posteriores priores contrarias abrogant* acts, and on the other hand – if the later statute was repealed – the prior statute which is in collision with the later one is reinstated [comes into effect again] without any additional formal procedures (the principle of *implied repeal*, i.e., indirect annulment [30, p. 78–80]).

6. A judge must rely on several similar decisions (instead of relying on a single prior decision) based on two premises: 1) the sense of historical relevance of the precedent and law as a whole; 2) the certainty that the decisions constituting it are the result of a well-organized process of reasoning and comprehending the general experience [54].

Taking into account the uniqueness of the legal systems of the Anglo-Saxon style of legal thinking, we can – in a certain sense – speak of their advantages in relation to the legal systems of the Continental European world. The main of such advantages is the flexibility of the legal system generated by the inductive style of legal thinking that dominates in this instance. For example, a law cannot “fall asleep” for a while and then “wake up” as the English precedents do. It is either a part of objective reality or not: it is either effective (valid) or repealed. However, one can observe a number of elements in the legal practices of the Anglo-Saxon world which hinder their evolution. This primarily refers to the aforementioned principle of conservatism.

Development of Science of Law within the Religious-Doctrine-Based Style of Legal Thinking

Religious legal systems, unlike their secular counterparts, do not have a positive law system fully capable of performing the functions of legal regulation. Sacred texts carry primarily spiritual maxims rather than regulatory potential. In addition thereto, interpretational doctrinal practices of lawyers which perform law-making functions are actively used in the aforementioned legal systems.

This being said, while sacred texts are immanent in their essence, the lawyers’ interpretation and theories regarding law show – to a certain extent – the dynamic aspect of the religious legal systems development (the exception being the religious legal doctrines which are not amenable to development as well as religious texts as such). Thus, the science of law in this instance becomes law as such.

Let us review the aforementioned peculiarities of the religious-doctrine-based style of legal thinking looking at the following three legal zones:

- 1) Judaic (Jewish) law;
- 2) Canon law;
- 3) Islamic law.

Judaic law has several doctrinal segments:

1. *Kabbalah* – a Judaic mystical doctrine considered to be the first source of law in terms of time and in relation to other sources. This source is permanent, and its position in Judaic law is static, since – due to its nature – it is not subject to development and change [33, p. 11].

2. *Midrash* – interpretation of and commentary on the Torah. Being the primary and main object of interpretation, the Torah – even in the text and structure – generated the reasons and the need for its interpretation (the vagueness of the text, the combination of abstractness and casuistry in the way of setting out the provisions [precepts], the lack of chronology), which, together with numerous external factors, encouraged the development of interpretation [25, p. 263].

Professor Menachem Elon points out that *midrash* is similar to the notion of *interpretatio* (Lat.) in Roman law and that of *interpretation* in English jurisprudence. Initially, when reviewing regulatory acts (pieces of regulation), it was common practice to distinguish between *midrash* and *interpretation* (as an analysis of the content of the text, an attempt to get an insight into the spirit of the law) and *perush* and *commentary* (as an explanation/interpretation of the law by reproducing the text in simpler and more understandable words) [17, p. 42].

Выделяют несколько разновидностей мидраша:

1. В зависимости от целей толкования:

– мидраш-галаха – анализ текста с целью вывести галаху, т. е. совокупность законов и установлений иудаизма, регламентирующих религиозную, семейную и общественную жизнь;

– мидраш-агада – анализ текста с целью раскрыть намек на некий моральный принцип, установку и т. п. [17, с. 43].

2. В зависимости от функций толкования:

– поясняющий мидраш, который объясняет стихи Торы и ее отрывки;

– мидраш-аналогия, связывающий разные темы с целью расширения еврейского права и разрешения новых проблем. В данном случае речь идет об использовании трех приемов толкования: «доказательство от меньшего к большему и наоборот», «аналогия формы» и «построение общего закона, обобщение», а также «прием “приравнивания”, который не входит в список тринадцати, но считается в Талмуде отдельным приемом» [39, с. 287].

3. Дело – судебные решения, а также поведение и образ действий знатока Галахи в конкретной ситуации [33, с. 11].

4. Понимание – правовая и общечеловеческая логика мудрецов Галахи [33, с. 11].

Интересно заметить, что доктринальные практики иудейских юристов через институт фикций позволяли в определенных случаях переводить библейские законы в соферские, т. е. человеческие. Логика подобного, крайне радикального шага для религиозной системы координат заключалась в следующем:

1) необходимой норме Священного Писания давалось такое толкование, в соответствии с которым данный закон в том виде, в каком он соблюдался на практике, либо никогда не существовал, либо в силу условий, предполагаемых самой Библией, давно перестал существовать;

2) фактическое его соблюдение объяснялось особым благочестием народа, который таким образом соблюдал данный закон уже не как библейское предписание, а как указание побиблейских религиозных авторитетов;

3) отсюда закономерно следовал вывод, что данный закон имеет человеческую (соферскую) природу, в связи с чем и может быть отменен [25, с. 266].

Каноническое право, т. е. «право, созданное церковью» [7, с. 7], является неотъемлемой частью западноевропейской цивилизации прошлого и настоящего. В первом случае речь идет о существенном влиянии данной религиозной системы на формирование правовых порядков континентальной и островной Европы (каноническое право Древней церкви¹ и каноническое право Средних веков²). Заметную роль в этом процессе сыграла школа декретистов, базирующаяся на декретах монаха Грациана. Как и глоссаторы, они не только проводили научные исследования, но и вели активную образовательную деятельность в средневековых университетах. К концу XVI в. каноническое право было систематизировано. В 1583 г. предшествующие компиляции канонического права были сведены в единый Свод канонического права.

До образования централизованной правовой системы во Франции каноническое право (наряду с римским правом и кутюмами) выступало необходимым элементом партикулярной правовой мозаики. Для Великобритании влияние канонического права не имело такого масштабного характера, как для континентальной Европы. Однако и здесь мы можем увидеть отдельные его отпечатки. В исследовании, посвященном истории средневековой Великобритании, Норман Доу отмечает, в частности, что английские юристы, рассматривая закон как средство возмещения ущерба, обращались к римским, каноническим теориям, а также к теории томизма [48, pp. 3–4]. О влиянии канонического права на становление английской правовой системы писал и видный историк права начала XX в. В. Т. Барбоур. По его мнению, канцлеры XV в., имевшие духовный сан, установили основные начала, на которых будет построено право справедливости [44, p. 869]. Также следует заметить, что многие принципы гражданского права, которые были имплементированы в английскую правовую систему,

¹ Так, в частности, на первых Вселенских соборах (Никейском и Константинопольском) были сформированы религиозные догматы, получившие название Никео-Цареградского Символа веры.

² На данном этапе развития канонического права был создан знаменитый *Corpus juris canonici*, состоящий из Декрета папы Грациана (около 1040 г.) и декретов последующих римских пап.

There are several types of *midrash*:

1. Based on the purpose of interpretation:

– *Midrash Halakha* – analysis of the text in order to derive *Halakha* (i.e., a set of laws and regulations of Judaism governing religious, family and social life);

– *Midrash Aggadah* – analysis of the text in order to reveal a trace of [hint to] a certain moral principle, instruction, etc. [17, p. 43].

2. Based on the function of interpretation:

– *Explanatory Midrash*, explaining the verses of and extracts from (parts of) Torah;

– *Comparative Midrash (analogy)*, bringing together different issues in order to expand Jewish law and solve new problems. This involves using three methods of interpretation: “proof from the lesser to the bigger [going upward] and vice versa”, “analogy of the form” and “formation of a general law, generalization” as well as “the method of ‘equating’, which is not included in the list of thirteen, but considered as a separate method in the Talmud” [39, p. 287].

3. Cases – court decisions as well as the behavior and pattern of conduct of a Halakha expert in a particular situation [33, p. 11].

4. Understanding – the legal and universal [panhuman] logic of the sages of Halakha [33, p. 11].

It is noteworthy that the doctrinal practices of Judaic jurists – through the institution of fiction – allowed, in certain cases, converting the biblical laws into soferian (i.e., human) laws. The logic of such an extremely radical step for a religious coordinate system was as follows:

1) the necessary precept of the Holy Scripture was interpreted in such a way that, in accordance with the interpretation, the law (as observed in practice) either never existed, or – due to the conditions assumed by the Bible itself – ceased to exist long ago;

2) actual observance of such a law was explained by a special piety of the people, who, thus, observed this law as a guideline set out by the biblical religious teachers [authorities] rather than as a biblical instruction;

3) hence, the logical conclusion that this law had a human (soferian) nature, and, therefore, it could be repealed [25, p. 266].

Canon law, i.e., “law created by the church”

[7, p. 7], is an integral part of the Western European civilization of the past and present. In the former case, we are referring to the significant influence of this religious system on the formation of the rule of law in the continental and insular Europe (Canon Law of the Ancient Church¹ and Canon Law of the Middle Ages²). A prominent role in this process was played by a school of decretists, based on the *Decreta* of the monk Gratian. Like the glossators, they performed both research and vigorous educational activities in medieval universities. By the end of the 16th century, Canon Law was systematized. In 1583, the previous compilations of Canon Law were consolidated into a single *Body of Canon Law*.

Before the formation of a centralized legal system in France, Canon Law (along with Roman Law and *coutumes*) was an essential element of the particular-law mosaic. In Britain, the influence of Canon Law was not as ample as in Continental Europe. However, some of its “footprints” can be seen in Britain as well. For instance, Norman Doe, in his study on the history of Medieval Britain, points out that English lawyers, considering laws as a means of restitution [compensation of damage], turned to the Roman, Canon Law theories, as well as to the theory of Thomism [48, p. 3–4]. The influence of Canon Law on the formation of the English legal system was also studied in the works by a prominent legal historian of the early 20th century Willard T. Barbour. In his opinion, the 15th century chancellors, in their ecclesiastical capacity, established the basic principles serving as a foundation for law of equity development [44, p. 869]. It should also be noted that the roots of many civil law principles implemented in the British legal system

¹ For instance, the first Ecumenical Councils (the Council of Nicaea and the Council Constantinople) generated the doctrinal beliefs called the *Niceno-Constantinopolitan Creed* (or the *Nicene-Constantinopolitan Creed*).

² This stage of Canon Law development generated the famous *Corpus Juris Canonici* consisting of *The Decretum Gratiani* (circa 1040) and the *Decreta* of the following Roman popes.

имеют свои корни в каноническом праве. Речь идет, в частности, о принципе добросовестности. Что касается самого канонического права, то оно рецептировало данный институт из римского права.

Философским основанием для начала современного этапа в развитии канонического права стал неоготизм. Решающую роль здесь сыграло издание папой Львом XIII энциклики *Aeterni Patris* (1879), в которой последовательно проводится тезис о признании учения Фомы Аквинского основой католического мировоззрения. Также значимым событием для указанного этапа в эволюции канонического права выступила энциклика *Regum poevatum* (1891) о рабочем классе. Именно ее в последующем назовут «социальным учением», «учительным наставлением» Церкви о социальных предметах, позволяющим ей «исследовать социальные реалии, высказывать о них свое мнение и направлять к верному решению порождаемых ими проблем»¹.

Как указывают специалисты, существенным отличием канонического права от иудейского стало то, что Новый Завет нельзя рассматривать в качестве юридического кодекса для христиан, каким является Ветхий Завет. Новый Завет смещает акценты с формально-юридического восприятия божественных установлений в сторону этического закона, не отрицая при этом правового начала [3, с. 291–292].

Также следует согласиться с выводами профессора А. А. Вишневого о том, что каноническое право не обладает теми свойствами системности, которые отличают светское право. Вместе с тем оно включено в более универсальную систему, базирующуюся на религиозной (христианской) космологии [8, с. 47].

Исламское право. Ислам является самой молодой религией мира, степень распространения которой не может не поражать. Менее чем за одно столетие после смерти Пророка Мухаммада мусульманское правление охватило больше земель, чем Римская империя во время своего наивысшего расцвета [11, с. 4].

События последних десятилетий показали, насколько активна экспансия мусульманского населения в Западную Европу. Однако подобная встреча Запада и Востока, конечно, не первая в истории двух цивилизаций. Хурр ибн Абдур-Рахман (580–650 гг.) впервые вторгся на территорию Южной Франции. А в Испании после 756 г. воцарилась ветвь Омейядов – династии халифов, основанной Муавией в 661 г. Их столицей стал город Кордова. От исламского вторжения в современной нам Испании остались памятники архитектуры (мечеть в Кордове, дворец Альгамбра в Гранаде), но что особенно интересно – языковые отпечатки: в испанском языке сегодня насчитывается около 4 тыс. слов арабского происхождения, в том числе и в области юридической терминологии.

Классические признаки права в системе координат юридического позитивизма и догматики – «государство» и «территория» – неактуальны для исламского права. Помимо религиозного начала, краеугольным камнем исламского права становится начало социальное: исламская община, или умма. В Коране сказано: «Тот, кто отделяет себя от мусульманской общины, которая должна быть едина и неделима, попадет в ад» [20]. Право следует за уммой, его поддерживающей, и не ограничивается только рамками и пределами государственных границ различных стран. Именно данное качественное своеобразие исламского права позволило распространить отдельные его элементы на европейские государства, декларирующие в своих конституциях принцип светскости. Так было с институтом исламского банкинга и ценных бумаг в Западной Европе (исламские ценные бумаги – *сукук* – имеют обращение в отдельных странах Западной Европы, в частности во Франции, в отношении малого и среднего бизнеса так называемого халяльного типа). По утверждению специалистов, исламский банкинг характеризуется чрезвычайно высокими темпами роста. Если в середине 1990-х гг. активы исламских банков составляли 150 млрд долл. США, то в 2015 г. – 1,48 трлн долл., а ежегодные темпы их роста превышали 10–15 % [51].

В исламском праве мы можем найти два близких по содержанию, но не идентичных термина: «фикх» – в дословном переводе «верное понимание того, в чем состоит намерение»;

are in Canon Law. We are referring, in particular, to the principle of good faith. As for Canon Law proper, it received [took over] the aforementioned institution from Roman Law.

The philosophical basis for the start of the modern stage in the development of Canon Law was neo-Thomism. The decisive role in this respect was played by the publication of the encyclical *Aeterni Patris* (1879) by Pope Leo XIII, in which the thesis about the teachings of Thomas Aquinas being the basis of the Catholic worldview was consistently advanced. Another significant event for the aforementioned stage of Canon Law evolution was the encyclical *Rerum Novarum* (1891) about the working class. It was exactly the work which would be later called “social doctrine” and “didactic instruction” of the Church on social subjects, allowing it to “explore social realities, express its opinions thereof and lead towards the correct solution of the problems generated thereby”¹.

As experts point out, the essential difference between Canon Law and Judaic Law is the fact that the New Testament – unlike the Old Testament – cannot be regarded as a Code of Law for the Christians. The New Testament shifts the focus from the formal legal perception of divine precepts towards the ethical law, while not denying the legal origin [3, p. 291–292].

One also has to agree with the conclusions by Professor A. A. Vishnevsky who pointed out that Canon Law does not have the features of systematicity characteristic of secular law. At the same time, it makes part of a more universal system based on religious (Christian) cosmology [8, p. 47].

Islamic Law. Islam is the youngest religion in the world with an extent of diffusion which cannot but amaze. Less than one century after the death of Prophet Muhammad, the Muslim rule encompassed more lands than the Roman Empire at the peak of flourishing [11, p. 4].

The events of recent decades have shown how active the expansion of the Muslims in Western Europe is. However, such a meeting of the West and the East is certainly not the first one in the history of two civilizations. First, Al-Hurr ibn Abd al-Rahman (580–650) invaded southern France, and after 756 a line of the Umayyads – a dynasty of caliphs, founded by Muawiyah in 661 – began to rule in Spain. Their capital was the city of Cordoba. The Islamic invasion left some architectural monuments still existing in present-day Spain (the Mosque in Cordoba, the Alhambra Palace in Granada), however, of particular interest is the linguistic footprint: nowadays, there are about 4 thousand words of Arabic origin in the Spanish language, including legal terminology.

The classical attributes of law existing in the coordinate system of legal positivism and dogmatics – the “state” and the “territory” – are irrelevant to Islamic law. In addition to the religious principle, the social principle becomes the cornerstone of Islamic law: the Islamic community, or *Ummah*. The Quran says: “Those who separate themselves from the Muslim community, which must be one and indivisible, will go to hell” [20]. Law follows the *Ummah* which observes it, and is not only limited by the borders of various countries. It is exactly this inherent peculiarity of Islamic law that made it possible to extend some elements thereof to European countries which declare the principle of secularism in their constitutions. This was the case with the institution of Islamic banking and securities in Western Europe (Islamic securities – *sukuk* – are in circulation in some Western European countries, particularly in France, in relation to small and medium businesses of the so-called *halal* type). According to experts, Islamic banking shows extremely high growth rates. While in the mid-1990s the assets of Islamic banks amounted to \$150 billion, in 2015 they reached \$1.48 trillion and their annual growth rates exceeded 10–15% [51].

In Islamic law, we can find two similar in meaning, but not identical, terms: *fiqh* (literally, “the correct understanding of the intent”)

¹ Ioannes Paulus II. Centesimus Annus. 5. 01.05.1991 // Vatican: the Holy See. URL: http://www.vatican.va/holy_father/john_paul_ii/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_01051991_centesimus-annus_en.html (дата обращения: 25.01.2019).

¹ Ioannes Paulus II. Centesimus Annus. 5. 01.05.1991 // Vatican: the Holy See. URL: http://www.vatican.va/holy_father/john_paul_ii/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_01051991_centesimus-annus_en.html (last visited on 25.01.2019).

и «шариат» – в буквальном смысле «водопой, источник». При их дифференциации выделяют три характерные особенности:

1. Шариат – это единая совокупность предписаний, содержащихся в Коране и Сунне, а фикх – это совокупность норм, выведенных на основе шариата применительно к конкретным ситуациям, непосредственная трактовка которых в шариате отсутствует.

2. Шариат является раз и навсегда установленным и неизменным, а фикх изменяется сообразно обстоятельствам, к которым он применяется.

3. Предписания шариата большей частью имеют общий характер: они закладывают основополагающие принципы. Нормы же фикха имеют конкретную направленность: они показывают, как применяются основополагающие принципы шариата в конкретных обстоятельствах [1, с. 21].

Для исламского права характерен иерархичный подход к источникам права. Они делятся на первичные, вторичные и третичные. К первичным относят Коран и Сунну. «Я оставил вам две вещи, руководствуясь которыми вы никогда не ошибетесь и не впадете в заблуждение: это книга Аллаха и Сунна его посланника», – гласит хадис пророка Мухаммада [18, с. 11]. Однако религиозные в своих основаниях, а не юридические тексты Корана и Сунны не способны были регламентировать все аспекты социальной жизни мусульман. В силу этого в учении исламского права появилась конструкция выведения (истинбат) общих норм, правил, установлений и суждений по отдельным вопросам, которая получила название «иджтихад». Этим стали заниматься не священники, а ученые. Такая ситуация была охарактеризована пророком Мухаммадом в одном из хадисов: «Ученые – наследники пророков» [15, с. 20]. В данной конструкции можно увидеть общие черты с приемами средневековых глоссаторов. Однако для последних материей для соответствующих умозаключений и логических выводов служили максимы человеческого права – римского права, тогда как для доктринеров исламского мира такой материей служит имманентная и нерукотворная религиозная система координат.

Эволюцию исламской юридической науки наглядно можно проиллюстрировать на примере 4 основных юридических школ (мазхабов), названных по имени их основателей: ханафитская, маликитская, шафиитская и ханбалитская. Следование одному из представленных мазхабов могло быть либо по модели таклида – слепое следование какому-то одному мазхабу, либо по модели иттиба – «осознанное следование как результат логического мышления» [1, с. 155–156]. Отсутствие единства во взглядах на право, его источники и отдельные аспекты регламентации жизни мусульман привели к появлению так называемого сравнительного фикха – анализа позиций мазхабов по различным аспектам правовой регламентации (в современных исламских государствах наравне с так называемым официальным государственным мазхабом ведется преподавание и элементов сравнительного фикха). И только к середине XX в., благодаря движению реформации исламского права, связанного с именами таких видных ученых-юристов, как Хассан Аль Банна, Насир Ад-Дин Аль Албани, прозвучал призыв к объединению мазхабов.

Правовой статус ученых-юристов в указанных трех юридико-географических блоках также отличался своим своеобразием.

Для континентально-европейской зоны правовой локализации предтечей сугубо национальных школ права стали глоссаторы и консилиаторы. При этом, как отмечает Жак Ле Гофф в отношении социального и правового статуса интеллектуалов позднего Средневековья, к указанному периоду они сделали «окончательный выбор между принадлежностью к миру труда и вхождением в группу привилегированных» [23, с. 112]. Труд их носил оплачиваемый характер и они склонны были продвигать идею прогрессивной школы оплаты труда в зависимости от изменения стоимости жизни в том регионе, где они проживали.

В современных государствах континентальной Европы межнациональной и вненациональной школы права, в равной мере оказывающей влияние на национальные правовые системы, не сложилось (в отличие, например, от исламских школ права или концепции неотомизма). При этом большинство государств континентальной Европы исходят из тезиса о

and *sharia* (literally, “the path to water, source”). When differentiating between them, the following three distinctive features are pointed out:

1. *Sharia* is a single set of precepts contained in the Quran and the Sunnah, while *fiqh* is a set of rules developed based on *sharia* as applied to specific situations which are not directly explained in *sharia*.

2. *Sharia* is established once and forever, being immutable, while *fiqh* varies according to the circumstances to which it is applied.

3. The precepts of *sharia* are mostly of a general nature (they lay down the fundamental principles), while the rules of *fiqh* have a specific focus (they show how the fundamental principles of *sharia* are applied to specific circumstances) [1, p. 21].

Islamic law is characterized by a hierarchical approach to the sources of law. They are classified into primary, secondary and tertiary. The primary ones include the Quran and the Sunnah. “I left you two things guided by which you will never go wrong and will not be misled: the Book of Allah and the Sunnah of his messenger,” says a Hadith of Prophet Muhammad [18, p. 11]. However, the texts of the Quran and the Sunnah, being essentially religious rather than legal, were not enough for regulating all the aspects of the social life of the Muslims. Therefore, the theory of Islamic law saw the creation of a practice of deriving (*istinbat*) general norms, rules, regulations and judgments on individual issues, which was called *ijtihad*, and it became the sphere of scientists instead of religious leaders. This was reflected by Prophet Muhammad in one of his Hadiths: “The scientists are the heirs of the prophets” [15, p. 20]. This practice shows some features in common with the techniques of medieval glossators. However, for the latter, the maxims of human-made law (Roman law) served as the material for the relevant inferences and logical conclusions, whereas, for the doctrinaires of the Islamic world, such material is the immanent and non-human-made religious coordinate system.

The evolution of the Islamic science of law can be vividly illustrated using the example of 4 main schools of jurisprudence (*madhhabs*), named after their respective founders: Hanafi, Maliki, Shafi'i and Hanbali. One of the aforementioned *madhhabs* could be followed either according to the *taqlid* [*taqleed*] model (blind following of one certain *madhhab*), or according to the *ittiba* model (conscious following as a result of logical thinking) [1, p. 155–156]. The lack of a single common approach towards law as well as the sources thereof and certain aspects of the regulation of the life of the Muslims led to the emergence of the so-called *comparative fiqh* – analysis of the *madhhabs*' position and points of view with regard to various aspects of legal regulation (nowadays, along with the so-called *official state madhhab*, elements of *comparative fiqh* are also taught in Islamic countries). And only by the middle of the 20th century, owing to the Islamic law reformation movement associated with the names of such prominent legal scholars as Hassan al-Banna and Nasir-ud-Din al-Albani, a call for uniting the *madhhabs* was made.

The legal status of academic lawyers (legal scholars or theorists) in the aforementioned three geographical legal zones also had distinctive peculiarities.

For the Continental European zone, the precursors of purely national schools of law were glossators and conciliators. As Jacques Le Goff pointed out with regard to the social and legal status of the intellectuals of the late Middle Ages, by that period they had made “the final choice between belonging to the world of work and joining the group of the privileged” [23, p. 112]. They were paid for their work and were inclined to promote the idea of a progressive school of labor remuneration depending on the changes in the cost of living in the region where they lived.

The present-day countries of Continental Europe do not have a cross-national and non-national school of law equally influencing their national legal systems (unlike, for example, the Islamic schools of law or the concept of neo-Thomism). At the same time, most of the countries of Continental Europe proceed from the assumption that

признании ученых-юристов (как и в целом научно-педагогических работников) государственными служащими¹ с бессрочным характером трудового договора. Такое признание имеет ряд позитивных моментов. Главный из них – преодоление эффектов так называемой неустойчивой занятости (англ. – *precarious employment*). Но есть и определенные недостатки, основной из которых – обязательный характер прекращения трудового договора в связи с достижением предельного возраста замещения государственной должности (в среднем это 60–65 лет), что не всегда соответствует границам творческой профессии ученого (в России и США, например, предельный возраст нахождения на должности профессорско-преподавательского состава для любых отраслей знаний не установлен).

В отдельных государствах общий вектор презентации правового статуса ученых-юристов дополнен и специфическими национальными моделями. Так, во Франции сложилась специфическая историческая форма аттестации научных кадров в виде агрегации. Агрегация – это институт, имеющий очень давние традиции (они восходят к XVI в.). Впервые идея специальной процедуры рекрутирования профессорского корпуса была реализована на локальном уровне на юридическом факультете Университета города Тулузы в связи с принятием акта Парламента от 10 января 1515 г. На общегосударственный уровень данный вопрос был вынесен уже в эпоху централизованной правовой системы – 20 декабря 1855 г. [49]. Процедура прохождения агрегации, установленная в середине XIX в., сохраняет свою актуальность и по сей день.

Помимо юридических наук, агрегация как специфическая модель формирования университетского профессорского корпуса имеет распространение и в области политических наук и экономики.

Агрегация – это поэтапная модель рекрутирования научных кадров. На первом этапе комиссии из именитых профессоров, заседающие отдельно по двум секциям – «Частное право и уголовно-правовые науки» и «Публичное право», – оценивают кандидатов по письменным материалам (текст диссертации, список научных трудов, анкетные данные), выявляя тех, кто «агрегативен». Местом проведения агрегации выступает знаменитый юридический центр Франции – Университет Париж-Ассас. На следующих этапах прошедшие отбор кандидаты приступают к испытаниям (8-часовое написание в аудитории комментария к судебному решению, заранее кандидату неизвестному, и др.). Главным и самым сложным испытанием является подготовка в течение 24 часов вне зала заседаний комиссии лекции на заданную комиссией тему, как правило, отнюдь не банальную, которую кандидату объявляют в день испытания и которая может касаться любой проблемы в области «частного права и уголовно-правовых наук» или «публичного права», независимо от узкой специализации испытуемого (в последние годы встречались, например, такие темы, как «Золото», «Право и время»)². На следующее утро кандидат читает свою лекцию комиссии и затем устно отвечает на десятки вопросов. Те, кто успешно прошел все испытания, получают самое престижное во Франции университетское звание – *agrégé des facultés de droit* («агреже юридических факультетов») и гарантированную профессорскую кафедру в одном из университетов. Каждый год составляется список вакансий соответственно в области «частного права и уголовно-правовых наук» или «публичного права»: агреже, набравший по итогам испытаний наибольшее количество баллов, получает привилегию выбрать пост из всего списка; для следующего спи-

² Именно для этого финального испытания кандидат участвует еще в одной специфической форме подготовки к занятию должности профессора: формирование команды сподвижников, которые должны провести процедуру его интеллектуальной тренировки перед экзаменом. При этом сам кандидат полностью берет на себя материальные расходы по содержанию членов команды на время «тренировочного» процесса. Местом «тренировочного» процесса, как и местом проведения самого конкурса, является Париж. Таким образом, участвуя в конкурсе, претендент несет не только интеллектуальные, психологические и физические затраты, но и затраты сугубо финансового порядка.

academic lawyers (as well as the people holding academic teaching positions in general) are civil servants¹ with an indefinite-term employment contract. This approach has a number of advantages – the main one being that it allows overcoming the effects of the so-called “precarious employment”. However, it also has certain drawbacks – the main one being mandatory termination of employment when reaching the age limit for civil servant positions (on average 60–65 years old), which is not always in accord with the aspects of the creative academic profession (for instance, in Russia and the USA, there is no age limit for academic teaching positions in any branches of knowledge).

In some countries, the general vector of the presentation of the legal status of academic lawyers is supplemented with specific national models. For instance, France has a peculiar historical form of certification of academic professionals in the form of aggregation. Aggregation is an institution with very long-standing tradition (going back to the 16th century). The idea of a special procedure for recruiting the professorial corps was first implemented at the local level at the Faculty of Law of the University of Toulouse in connection with the adoption of an Act of Parliament dated 10 January 1515. However, it reached the national level much later – in the era of the centralized legal system – on 20 December 1855 [49]. The aggregation procedure established in the middle of the 19th century still exists nowadays.

In addition to the science of law, aggregation – as a specific model of university professorial corps formation – is also used in the sphere of political science and economics.

Aggregation is a stage-by-stage model of recruiting academic staff. At the first stage, commissions of renowned professors sitting in separate sessions for two spheres – *Private Law and Criminal Law Sciences* and *Public Law* – assess the candidates based on written documents (dissertation texts, research paper lists, CVs) identifying those who are “aggregative”. The venue of aggregation is the famous legal center of France – the University of Paris-Assas. The next stages involve testing the candidates who have passed the first round of selection (an 8-hour-long classroom test with a task to write comments to a court decision unknown to candidates in advance, etc.). The main and the most difficult test is preparation of a lecture within 24 hours (outside the commission assembly hall) on a topic set by the commission – usually far from trivial – which is announced to candidates on the day of the test and can deal with any issue in the sphere of *Private Law and Criminal Law Sciences* or *Public Law*, regardless of the narrow specialization of the tested (by way of example, some of the most recent topics were “Gold” or “Law and Time”)². The next morning, the candidate reads the lecture to the commission and then verbally answers dozens of questions. Those who successfully pass all the tests receive the most prestigious university title in France – *agrégé des facultés de droit* (“agrégé of faculties of law”) – and guaranteed professorship in one of universities. Every year, a list of vacancies is made in the sphere of *Private Law and Criminal Law Sciences* and *Public Law*, respectively: the agrégé with the highest rating according to the test results has the privilege of choosing a position from the entire list; the agrégé with the second highest rating gets a list which is shorter by one position, etc.;

² It is for this final test that a candidate participates in another peculiar form of preparation for the position of professor: building a team of associates who should take care of the candidate’s intellectual training before the exam. The candidate bears all the costs associated with the team members for the duration of the “training” process. The venue of the “training” process, as well as the venue of the competition itself, is Paris. Thus, participating in the competition (selection), the applicant spends not only intellectual, psychological and physical resources, but also purely financial ones.

¹ И доценты, и профессора во Франции, например, имеют статус *fonctionnaire*, т. е. государственных служащих. Правом на назначение профессоров обладает Президент Республики, доцентов – Министерство образования и науки. Определенным исключением из общего правила следует считать институт приглашенного профессора. Правом на открытие соответствующей вакансии и назначение на должность приглашенного профессора обладают сами университеты.

¹ For instance, in France, both associate professors (lecturers) and professors proper have the status of *fonctionnaire* (i.e., civil servant). Professors are appointed by the President of the Republic, while associate professors are appointed by the Ministry of Higher Education, Research and Innovation. The practice of visiting professors should be considered an exception to this general rule. The corresponding vacancies are announced and visiting professors are appointed by universities.

сок сокращается на один пост и т. д., а последнему, следовательно, остается единственная вакансия. Именно процедурой агрегации объясняется тот факт, что французский профессорский корпус очень молод и регулярно обновляется (надо учитывать также обязательный выход в отставку по достижении 65–68 лет). Нормальным считается пребывание в должности профессора примерно с 35 до 65 лет [16, с. 9–10].

Такая своеобразная модель вхождения в профессию не может избежать критики. К числу наиболее дискуссионных положений указанной модели относят, в частности, следующие:

1. При ее реализации университеты в определенной мере утрачивают элемент автономии в части способности их самих формировать кадровый состав.

2. Такая модель не позволяет в полной мере считать университеты международными научными центрами, так как потенциальная возможность прохождения процедуры агрегации учеными-иностранцами, по сути, сведена к нулю.

3. Финальное 24-часовое испытание в определенной мере носит характер не интеллектуального испытания, а испытания на физическую выносливость кандидата.

4. На сегодняшний момент времени можно предъявить претензии и к системе отбора в жюри конкурса из-за наличия в нем элементов семейственности.

Неоднозначное положение института агрегации во Франции порождает и различные доктринальные модели его эволюции:

Первая – сохранение института в неизменном виде в силу исторической преемственности [46, р. 427].

Вторая – реформирование института в части минимизации эффектов дискриминации при отборе членов комиссии по агрегации (соблюдение принципа гендерного равенства, многообразии географической и отраслевой презентации кандидатов в члены жюри) [52].

Третья – упразднение института¹.

Как видно из представленных выше положений, процедура агрегации не носит одно-

значного характера. Однако определенные ее элементы могут быть восприняты при формировании доктринальных подходов к системе рекрутирования элиты научно-педагогических кадров в России: ректоров и проректоров вузов. Представленный трехступенчатый порядок прохождения агрегации может быть использован как основа для конструирования дробной процедуры отбора кандидатов в резерв ректоров и проректоров вузов, подведомственных Министерству науки и высшего образования РФ, в части:

1) оценки соответствия кандидата квалификационным требованиям (первый этап отбора; проводится без прямого участия самого кандидата на основе мониторинга его достижений в сфере образования и науки);

2) оценки кандидата по итогам проведения экзамена на вхождение в состав резерва ректоров и проректоров вузов, подведомственных Министерству науки и высшего образования РФ (второй этап отбора; проводится под эгидой Министерства науки и высшего образования РФ; в состав экзаменационной комиссии входят ведущие специалисты в соответствующей области научного знания, а также представители научной общественности из числа некоммерческих организаций по представлению интересов научно-педагогических кадров).

В зоне религиозно-доктринального стиля правового мышления правовой статус ученых-юристов определяется через принадлежность не только к профессиональной группе, но и к религиозным институтам. Интересно заметить, что не всегда подготовка ученых-юристов для правовых систем с религиозными элементами – это миссия самих религиозных институтов. В Египте, в частности, факультет шариата есть в Университете Аль-Азхара. При этом система сдачи экзаменов и защиты дипломов и диссертаций в этом университете такая же, как в Европе [38, с. 310].

В контексте мировой практики юридическая наука в России эволюционировала согласно характерным особенностям, свойственным основным выделяемым в науковедении этапам развития [19]:

Первый (вторая половина XVII – первая половина XVIII в.) – «эмбриональный» период формирования юридической науки. Он был

and for the agrégé with the lowest rating – accordingly – only one vacancy is left. It is the aggregation procedure that explains the fact that the French professorial corps is very young and renewed on a regular basis (besides, the mandatory retirement upon reaching the age of 65–68 should also be taken into account). The standard period of holding a position of professor is considered to be from about 35 to 65 years old [16, p. 9–10].

Such a peculiar model of entering the profession is bound to be criticized. Some of the most controversial aspects of this model include, in particular, the following:

1. The model means that universities lose the element of autonomy to some extent – in terms of the ability to choose their staff.

2. The model means that universities cannot be fully considered as international academic centers, since there is practically no possibility for foreign academic professionals to pass the aggregation procedure.

3. The final 24-hour test is, to a certain extent, a test of the candidate's stamina rather than knowledge/intelligence.

4. The system of the aggregation commission selection is questionable at the moment due to some existing elements of nepotism.

The mixed feelings about the established practice of aggregation in France give rise to different doctrinal models of its evolution:

The first one consists in the preservation of the current practice unchanged for reasons of historical continuity [46, p. 427].

The second one consists in reforming the current practice in terms of minimizing the effect of discrimination when selecting the members of the aggregation commission (adherence to the principle of gender equality as well as geographical and discipline-specific diversity of the commission candidates) [52].

The third one consists in abolition of the practice¹.

As can be seen from the above, the aggregation procedure is far from unequivocal. However,

some of its elements can be taken into account when developing the doctrinal approaches for the system of recruiting the elite of academic professionals in Russia: university rectors and vice-rectors. The aforementioned three-stage aggregation procedure can be used as a basis for designing a stage-by-stage procedure for selecting the candidates to the rector and vice-rector base of the universities being under the supervision of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, in the following aspects:

1) candidate qualification assessment (the first stage of selection performed through reviewing the candidate's achievements in the sphere of education and science – without the candidate's direct participation);

2) assessment of the candidate based on the results of the examination for becoming a rector or a vice-rector of the universities being under the supervision of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (the second stage of selection which takes place under the auspices of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation; the examination commission includes the leading experts in the relevant academic disciplines as well as representatives of the academic community from non-profit organizations representing the interests of academic professionals).

In the zone of the religious-doctrine-based style of legal thinking, the legal status of academic lawyers is determined by belonging not only to a professional group, but also to religious institutions. Interestingly, the training of academic lawyers for the legal systems with religious elements is not always the mission of religious institutions. For instance, there is a Faculty of Sharia in the University of Al-Azhar in Egypt, where the system of examination and graduation paper and thesis defense is the same as in Europe [38, p. 310].

In the global practice context, the science of law in Russia evolved in line with the characteristic features of the main stages of development singled out in science studies [19]:

The first stage (the second half – the first half of the 18th centuries): the “embryonic” period of the science of law formation. This period was

¹ См. по этому вопросу: URL: <https://suppressionagregation.wordpress.com>.

¹ See: URL: <https://suppressionagregation.wordpress.com>.

связан с необходимостью масштабного реформирования отечественного правопорядка (реформы Петра I) и неспособностью только прикладных модулей юридического знания решить государственно значимые цели и задачи. Как отмечает Н. А. Воскресенский, «выработка законодательного текста в правотворчестве Петра I имела все стадии, которые характеризуют законодательство Новейшего времени: возбуждение законодательной инициативы, собирание материалов передовых законодательств Запада, составление первоначального наброска закона, обсуждение законопроекта, утверждение и опубликование закона и, наконец, введение его в систему ранее изданных законов» [9, с. 73]. Представляет интерес также и особая форма научно-практической деятельности в указанную эпоху, связанная с объяснением и обоснованием новых законов. Речь идет о так называемых экспликациях (от лат. *explicatio* – разъяснение). В частности, в 1723 г. Петром I была написана знаменитая экспликация, в которой объяснялась разница между государственными и партикулярными преступлениями, а также были представлены выводы о необходимости более тяжкого уголовного наказания за первый из названных видов преступлений.

Второй (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.) – становление «законоискусства» как научно-практической сферы. В данной связи И. В. Васильев, в частности, отмечал, что «...знание законов сливалось с искусством прилагать эти законы к встречающимся случаям гражданской жизни», поэтому законодательская деятельность была направлена, прежде всего, на систематизацию существующего правового массива, адаптацию старых законов к новым обстоятельствам и создание условий для всестороннего познания законов. Знание законов становилось обязанностью не только юриста-практика, но и обычного человека [5, с. 12–13].

Третий (вторая половина XIX в. – настоящее время). Во многом российская наука последнего периода развития была синхронизирована с зарубежными школами и течениями. Яркий тому пример – теоретическая юриспруденция. В целом же следует отметить, что именно немецкие исследователи XIX в. стояли у истоков развития теории права для континен-

тально-европейского юридического мира [26; 27; 28; 45].

Профессор В. И. Пржиленский [35, с. 15–16] выделяет несколько базовых линий, согласно которым можно проследить связь между немецкой классической философией (и, в частности, неокантианством) и построением советской юриспруденции:

1) сама структура построения теоретического знания – онтология, гносеология (логика + методология), аксиология (неорганична ни для аутентичного марксизма, ни для более позднего «ленинизма»);

2) подход к преподаванию логики: он носил кантианский по своей сути характер, в нем причудливо смешивались элементы марбургского неокантианства и восходящего к кантовскому пониманию субъекта в эмпирическом психологизме В. Вундта.

Но есть и ряд прорывных и аутентичных направлений. Некоторые из них стали продолжением отечественного общегуманитарного научного поиска (в частности, евразийство¹), другие – доктринальным ответом на глобальные вызовы внешней среды (одной из таких конструкций стало учение о соматических правах человека).

Развитие юридической науки в условиях глобализации

Представленные выше положения юридической доктрины характеризуют во многом национальный взгляд на эволюцию правовых феноменов до выхода из неолита (термин Андре Тюнка) мировой юридической науки – до наступления эры глобализации.

¹ Несколько тезисов стали актуальными и системообразующими для данного юридического направления:

– одновекторность политического и правового будущего России в рамках евразийского модуса (получила распространение следующая декларация евразийцев: «Русские люди и люди народов “российского мира” не суть ни европейцы, ни азиаты. Сливаясь с родной и окружающей нас стихией культуры – мы не стыдимся признать себя евразийцами» (Евразийская хроника. Вып. VII. Париж. С. 43));

– религиозно-ценностный и внерациональный характер российской правовой и политической систем;

– выдвигание идеи «обязательного государства» как автономной (внезападнической) платформы политико-правового будущего России;

– возрождение идеи подлинной Русской Правды как философского основания отечественного юридического бытия.

associated with the need for a large-scale reform of the domestic law and order (the reforms of Peter I) and the insufficiency of only the applicative modules of the knowledge of law for reaching the nationally significant goals and objectives. As Nikolai Voskresensky points out, “legislative text development in the law-making process of Peter I included all the stages characteristic of the legislation of contemporary times: legislative initiative launch, collecting materials of the newest [state-of-the-art] legislation of the West, drafting the initial version of the law, discussing the draft law, approving and publishing the law and, finally, introduction of the new law into the system of the previously issued laws” [9, p. 73]. Of particular interest in this era is also a special form of academic research and practice associated with explanation and substantiation of new laws. We are referring to the so-called *explications* (from the Latin *explicatio* = explanation). For instance, in 1723, Peter I wrote a famous *explication* explaining the difference between crimes against the state [political crimes] and particular crimes, and containing conclusions about the need for a more severe criminal penalty for the former of the aforementioned types of crimes.

The second stage (the second half of the 18th century – the first four months of the 19th century): formation of the “art of law” as an academic research and practice sphere. In this regard, Illarion Vasilyev, in particular, pointed out that “...the knowledge of laws merged with the art of applying these laws to the incidents occurring in civilian life,” – therefore, the legislative activity was aimed primarily at systematization of the existing amount of legislation, adaptation of old laws to new circumstances and creation of conditions for comprehensive knowledge of laws. Knowledge of laws became the duty not only of a practicing lawyer, but also of an ordinary person [5, p. 12–13].

The third stage (the second half of the 19th century – present). In many ways, the Russian science of the latest period of its development was synchronized with the schools and trends of other countries. A vivid example in this respect is theoretical jurisprudence. Overall, it should be noted that German researchers of the 19th century stood at the origins of the theory of law de-

velopment in the Continental European legal world [26; 27; 28; 45].

Professor Vladimir Przhilensky [35, p. 15–16] singles out several basic lines along which the connection between German classical philosophy (and, in particular, neo-Kantianism) and the formation of Soviet jurisprudence can be traced:

1) the very structure of the theoretical knowledge building – ontology, gnoseology (logic + methodology), axiology (foreign to both authentic Marxism and the following “Leninism”);

2) the approach to teaching logic: it was Kantian in its essence, marvelously mixing the elements of Marburg Neo-Kantianism and Wundt’s empirical psychologism which goes back to Kantian understanding of the subject.

However, there are some groundbreaking and authentic trends. Some of them were a continuation of the domestic academic research of a general humanitarian nature (in particular, Eurasianism¹), others were a doctrinal response to the global challenges of the external environment (one of such phenomena was the doctrine of somatic human rights).

Development of Science of Law in the Context of Globalization

The aforementioned propositions of the legal doctrine, in many respects, characterize the national point of view on the evolution of legal phenomena before the moment when the global science of law (as André Tunc put it) left the “Neolithic Age” – before the advent of globalization.

¹ This trend in law is characterized by some important systemic aspects, namely:

– one-vector nature of the Russian political and legal future in the framework of the Eurasian concept (the well-known statement of the Eurasians is: “Russian people and the people of the “Russian world” are neither Europeans nor Asians. Merging with our own cultural environment surrounding us, we are not ashamed to avow ourselves Eurasians” (Eurasian Chronicle, Issue VII (Paris): 43));

– the religious-value-based and non-rational nature of the Russian legal and political systems;

– the promotion of the idea of a “mandatory state” as an autonomous (non-Western) platform of the Russian political and legal future;

– the revival of the idea of genuine “Russian truth” [“Russian justice”] as the philosophical basis of the Russian legal life.

В продолжение своей знаковой работы «Les juristes face à la société du 19 siècle à nos jours» [42] профессор А.-Ж. Арнод весьма точно определяет парадоксы мировой юриспруденции на начальном этапе правовой глобализации (1975–1993 гг.) – аверсы и реверсы юридических монет [41]:

- 1) диалектика правового регулирования и дерегулирования;
- 2) установление принципа равенства субъектов права в дифференцированных по определению социальных обществах;
- 3) диалектика национального и локального в праве;
- 4) необходимость и невозможность управления через право сложными процессами;
- 5) и наконец, «парадокс парадоксов» – невозможность для юридического мира жить в условиях представленных выше парадоксов, самому при этом не превращаясь в парадокс [43].

В наши дни глобализация только умножает юридические парадоксы и проблемы правового регулирования, ставя мировое юридическое сообщество в условия последующей правовой пробельности и выступая одним из основных вызовов юридического этатизма.

В прошлых своих научных публикациях мы уже отмечали, что вслед за развитием процессов глобализации все с большим основанием стали проявлять себя такие тенденции эволюции правовых систем, как: повышение уровня конвергенции, конкуренции и интернационализации правовых систем; появление уникальных юридических институтов (*lex electronica*, *lex sportiva*); возрастание эффектов «дополнения» и «замещения» национального права со стороны внешних регуляторов общественных отношений; изменение под влиянием различного рода интеграционных процессов классических институтов государственной организации общества – институтов гражданства и территории; освобождение юридической профессии от сугубо национальных оков [12].

Также следует отметить, что глобализация выступает универсальной тенденцией современной юридической карты мира. Уже на стадии подготовки юридического корпуса очевидны значительные шаги по интернационализации и интеграции юридической профессии в мировое юридическое пространство.

При этом международную составляющую подготовки юридических кадров следует отнести к числу приоритетных направлений образовательных центров Российской Федерации. В Российской Федерации в мае 2012 г. В. В. Путиным был подписан указ «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». В нем одной из задач развития российской системы высшего образования ставится «вхождение к 2020 году не менее пяти российских университетов в первую сотню ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов». 28 декабря 2013 г. подписан указ Президента РФ «О мерах по укреплению кадрового потенциала Российской Федерации», в соответствии с которым была запущена новая программа «Глобальное образование». В результате реализации этой программы в ведущие российские вузы и научные организации привлекаются высококвалифицированные специалисты, получившие образование мирового уровня по программам магистратуры, аспирантуры (докторантуры). Следует также отметить, что на оценку эффективности юридических вузов напрямую влияет реализация в Российской Федерации положений Болонской конвенции в части социальной мобильности студентов.

Что касается действующих акторов юридической профессии, то здесь глобализация проявляет себя через такие институты, как:

- интернационализация правового феномена согласно нескольким ключевым векторам: рецепция, гармонизация, унификация и стандартизация права;
 - применение международного и иностранного права и иностранных юрисдикций к национальным участникам общественных отношений;
 - активное использование механизмов «мягкого права» для защиты законных интересов граждан; привлечение иностранных специалистов для защиты интересов человека, общества и государства (например, в 2016 г. юридическим консультантом по приватизации «Роснефти» была выбрана компания White & Case; интересы российских легкоатлетов в Спортивном суде г. Лозанны представлял британский адвокат Майк Морган).
- Становясь реальной социальной практикой, глобализация вместе с тем порождает ряд

siècle à nos jours [42], Professor André Jean Arnaud quite accurately defines the paradoxes of the global jurisprudence at the initial stage of globalization of law (1975–1993) – the obverse and the reverse of legal coins [41]:

- 1) the dialectic of legal regulation and deregulation;
- 2) the establishment of the principle of equality of legal entities (persons) in societies which are differentiated by definition;
- 3) the dialectic of the national and the local in law;
- 4) the need and the inability to control complex processes through application of law;
- 5) and finally – the “paradox of paradoxes” – the impossibility for the legal world to live in the conditions of the paradoxes listed above without becoming a paradox itself [43].

Nowadays, globalization is only multiplying the legal paradoxes and the problems of legal regulation, putting the global legal community in the conditions of subsequent “gaps in law” and constituting one of the main challenges of legal etatism.

In our previous research papers, we have already pointed out that, following the development of globalization processes, more prominence is being gained by such trends in the evolution of legal systems as: increase in the level of convergence, competition and internationalization of legal systems; emergence of unique legal phenomena (*lex electronica*, *lex sportiva*); increasing occurrence of national law “supplementation” and “replacement” on the part of the external regulators of social relations; changes in the classical institutions of the country-based organization of society (the institutions of citizenship and territory) under the influence of various kinds of integration processes; liberation of the legal profession from purely national chains [12].

It should also be noted that globalization is the universal trend on the present-day legal map of the world. Significant steps forward along the way of internationalization and integration of the legal profession into the global legal space are obvious as early as at the stage of legal corps training (preparation).

This being said, the international component of the preparation (training) of legal professionals should become one of the priorities for the educational centers of the Russian Federation. In May 2012, Russian President Vladimir Putin signed the Decree *On Measures for Implementation of the National Policy in the Sphere of Education and Science*, where one of the objectives of the Russian higher education system development is “...entry by 2020 of at least five Russian universities into the top 100 universities of the world in the global university rating”. On 28 December 2013, the Presidential Decree *On Measures to Strengthen the Human Resource Potential of the Russian Federation* was signed launching a new *Global Education Program*. Within the framework of the *Program*, highly qualified experts and professionals with world-class educational background (graduate and postgraduate (doctoral) degrees) are engaged by the leading Russian universities and scientific organizations. It should also be noted that Bologna Process (Bologna Convention) implementation in the Russian Federation in terms of social mobility of students has a direct impact on the assessment of the efficiency of higher education institutions teaching law.

As for legal practitioners, globalization manifests itself through such institutions as:

- internationalization of the phenomenon of law along several key vectors: reception, harmonization, unification and standardization of law;
 - application of international and foreign law and foreign jurisdictions to domestic participants of social relations;
 - active use of “soft law” mechanisms to protect the legitimate interests of the citizens as well as involvement of foreign experts for protection of human, social and national interests (e.g., engagement of White & Case as a legal advisor for Rosneft privatization in 2016 or the British lawyer Mike Morgan acting for the Russian athletes in the Court of Arbitration for Sport in Lausanne).
- While becoming a real social practice, globalization, at the same time, gives rise to a

проблем теоретической и практической зон действия. К числу наиболее значимых следует отнести:

1) конкуренцию международных механизмов защиты участников общественных отношений с национальными институтами (в Российской Федерации данная тенденция наиболее отчетливо проявила себя в постановлении Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу “Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации»);

2) столкновение различных правовых традиций при регулировании однородных групп общественных отношений (во Франции, в частности, представленная тенденция нашла отражение в «деле о хиджабах»);

3) общую тенденцию к утрате национальными правовыми системами своего юридического суверенитета в ряде социальных областей. В последнее время данная тенденция выпукло проявляется в российской и зарубежной системах спортивного права. Ярким примером в данном отношении выступает Франция. Как отмечают специалисты, во Франции отсутствует четкая граница между государственным регулированием и саморегулированием в области спорта. По поводу спортивных отношений между государственными органами и спортивными федерациями возникает большое количество судебных тяжб [36, с. 46];

4) формирование под влиянием универсальной, на первый взгляд, правовой конструкции и модели глобального мира гегемонистической презентации социальных отношений. Речь идет о многочисленных дискуссиях в отношении американизации права и других общественных феноменов [47];

5) появление многочисленных *terra incognita* – зон последующей пробельности права под влиянием глобализационных процессов. Речь идет о комплексе общественных отношений, требующих правового регулирования, но в силу отставания эволюции права от социальной эмпирики не получающих необходимой юридической регламентации. Ярким примером

здесь может выступать сегмент правового регулирования в области генетических исследований [59]. И хотя сегодня мировая юридическая наука в определенной мере сформировала международно-правовой взгляд на проблему¹, национально-государственный взгляд на нее остается чрезвычайно скудным в плане правовой регламентации. Особенно заметна данная тенденция в таком сегменте генетических исследований, как генетическая терапия.

К чему приведет дальнейшее развитие правовой глобализации в русле неолиберализма – сказать сложно. В зарубежной литературе по данному вопросу высказываются пока еще единичные, но весьма смелые предположения о дальнейшем существовании человечества без права и без государства [53, p. 36].

В целом можно говорить о двух векторах влияния глобализации на юридическую науку: гносеологическом и антологическом. В первом случае мы имеем дело с доктринальной оценкой данного феномена. Она может быть от крайне позитивной до резко антагонистичной [60]. В любом случае ученые-юристы из всех представленных выше правовых блоков (континентально-европейского, англосаксонского, религиозно-доктринального) не избежали подобного рода оценки. Во втором случае мы имеем дело с практикой включения тех или иных элементов правовой глобализации в национальные правовые порядки. Способность правовых систем ранжировать элементы правовой глобализации в соответствии с собственными запросами в полной мере характеризует их юридический суверенитет.

¹ Речь идет, в частности, о принятии следующих правовых актов: Всеобщая декларация о геноме человека и о правах человека (ЮНЕСКО, 1997 г., одобрена Генеральной Ассамблеей ООН в 1998 г.); Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (1997 г.); Рекомендуемое международное руководство по этическим проблемам медицинской генетики и генетической службы (ВОЗ, 1997 г.); Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации «Этические принципы медицинских исследований на человеке»; Рекомендации Комитета общественной и профессиональной политики Европейского общества генетики человека по программам массового скрининга, хранению данных в ДНК-банках для медицинских исследований, обеспечению генетической службой (см. подробно по данному вопросу: *Zakharova M. V., Voronin M. V. Measure of Freedom in the Context of Legal Regulation of Genomic Research: Foreign Experience // Revista Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores. Year VI. Special Edition. December 2018).*

number of theoretical and practical problems, the most significant of such problems being:

1) the competition between the international mechanisms of protecting the participants of social interaction and national institutions (in the Russian Federation this trend manifested itself most vividly in Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation № 12-P [in Russian: 12-II] of 19 April 2016 *On the Case Concerning the Resolution of the Question of the Possibility to Execute in Accordance with the Constitution of the Russian Federation the Judgment of the European Court of Human Rights of 4 July 2013 in the Case of ‘Anchugov and Gladkov v. Russia’ in Connection with the Request of the Ministry of Justice of the Russian Federation*);

2) the clash of different legal traditions when performing regulation within the homogeneous groups of social relations (e.g., in France this trend manifested itself in the so-called “Islamic veil affair”);

3) the general tendency for national legal systems to lose their legal sovereignty in a number of social areas. Recently, this trend has become quite apparent in the Russian and foreign systems of sports law. A vivid example in this regard is France. According to experts, in France there is no clear boundary between government regulation and self-regulation in the sphere of sports. As a result, numerous litigations arise between government agencies and sports federations with regard to relations in the sphere of sports [36, p. 46];

4) the formation – under the influence of a seemingly universal legal framework and global world model – of the hegemonic manifestation of social relations (e.g., there are frequent discussions regarding the Americanization of law and other social phenomena) [47];

5) the emergence of a lot of *terra incognita* – zones of subsequent “gaps in law” under the influence of globalization. We are referring to a set of social relations requiring but not receiving the necessary legal regulation due to the fact that the evolution of law lags behind social empiricism. A vivid example in this respect may be the segment of legal regulation in the field of genetic research

[59]. While at the moment the global science of law has to some extent shaped the global point of view on the problem from law’s perspective¹, the national (governmental) point of view on the problem remains extremely poor in terms of legal regulation. This trend is particularly noticeable in such a sphere of genetic research as genetic therapy.

It is hard to say what the further development of globalization of law in the spirit of neoliberalism will lead to. In foreign literature, one can find very bold (albeit very scarce) assumptions in this regard – like the future existence of humanity without law and without a state [53, p. 36].

In general, one can speak of two vectors of the influence of globalization on the science of law: gnoseological and anthological. In the first instance, we are dealing with a doctrinal assessment of the phenomenon. It can range from extremely positive to sharply antagonistic [60]. In any case, academic lawyers from all the legal zones mentioned above (Continental European, Anglo-Saxon, religious-doctrine-based) did not avoid this kind of assessment. In the second instance, we are dealing with the practice of incorporating certain elements of globalization of law into the national legal norms. The ability of legal systems to rank the elements of globalization of law in accordance with their own needs fully characterizes their legal sovereignty.

¹ We are referring, in particular, to the adoption of the following legal acts: the *Universal Declaration on the Human Genome and Human Rights* (UNESCO, 1997, approved by the UN General Assembly in 1998), the *Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine: The Convention on Human Rights and Biomedicine* (1997), *Proposed International Guidelines on Ethical Issues in Medical Genetics and Genetic Services* (WHO, 1997), the World Medical Association Declaration of Helsinki *Ethical Principles for Medical Research Involving Human Subjects*, recommendations of the Public and Professional Policy Committee of the European Society of Human Genetics with regard to mass screening programs, data storage and DNA banking for biomedical research, provision of genetic services (for details see: *Zakharova M.V., Voronin M.V. Measure of Freedom in the Context of Legal Regulation of Genomic Research: Foreign Experience, Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores, Year VI, Special Edition, December 2018).*

Особого внимания заслуживает влияние такого проявления глобализации, как цифровизация, на юридическую науку в России и зарубежных странах.

Правовое регулирование общественных отношений – основа устойчивого развития общества. Однако в сферах общества, где нет необходимости императивного контроля над отношениями и где для удобства сторон договора необходимы простые и быстрые решения, правовое регулирование далеко от показателей абсолютной эффективности. Привычное состояние правового регулирования – долгие и сложные процедуры, непредсказуемость многих правовых ситуаций, невозможность работать без юристов. Но право может стать потенциальной точкой роста общей эффективности взаимодействия граждан, бизнеса и государства, той сферой, изменения в которой радикально улучшат жизнь, как это произошло с электроникой и приходом Интернета. Глобализация современного мира трансформирует восприятие саморегулирования в обществе, подводит к необходимости учета нового феномена – автоматизации в сфере права, которая, с нашей точки зрения, позволит ускорить движение к эффективным показателям.

Перед законодателем стоит задача реализации идеи о том, что право может развиваться и интегрироваться в быстро меняющуюся реальность. Именно перед государством должна стоять задача создать стартовую площадку для обсуждения темы автоматизации права экспертами-юристами, айти-специалистами, представителями бизнеса и государства.

Рассмотрим задачи, которые должна обеспечить автоматизация права:

1. Снижение зависимости от воли правоприменителя и другой стороны в договоре, что позволит:

- эффективнее выявлять изначальную волю сторон договора или законодателя;
- препятствовать умышленному искажению этой воли;
- предотвратить незаконное противодействие этой воле;

– существенно снизить риски последующего искажения или ненадлежащего исполнения ранее согласованной воли.

2. Снижение экономических издержек, экономия времени и ресурсов для рутинных или необязательных операций:

– снижение затрат на работу юристов, помогающих найти нормы, относящиеся к конкретной ситуации, смоделировать их использование (машиночитаемые нормы сделают возможным их автоматический поиск и трактовку с максимальной степенью достоверности);

– снижение затрат на работу юристов, помогающих разобраться в случаях неоднозначного толкования или противоречия норм (подобные коллизии могут быть устранены уже на стадии соблюдения норм);

– снижение затрат на работу специалистов, контролирующих соблюдение норм в результате автоматизации систем сбора и анализа информации;

– снижение затрат на работу специалистов, отвечающих за исполнение существенной части решений контролирующих органов и судов (требования, связанные с передачей денег, переводом права и т. д., могут исполняться в автоматическом режиме).

3. Ускорение развития правоотношений на этапе согласования новых норм и проверки их исполнения. Время будет использоваться сторонами на коммерческие переговоры, не на детальное обсуждение юристами каждого пункта договора. Смарт-контракты гарантируют исполнение договоров.

4. Постоянное понимание своих рисков и обязательств (или контрагентов). Программное обеспечение, основанное на машиночитаемых нормах закона или договора, позволит в режиме реального времени оценивать регулирующее воздействие, вероятные последствия фиксируемых сторонами коммерческих договорённости и принимаемых законов.

5. Повышение прозрачности взаимодействия с государством в публично-правовых отношениях и возможность сделать их максимально эффективными, что снизит уровень зависимости от неформализованной воли отдельных должностных лиц и представителей бизнеса.

6. Повышение доступности юридических услуг для граждан путем создания недорогих сервисов по их оказанию.

Special attention should be given to the impact of such a manifestation of globalization as digitalization on the science of law in Russia and other countries.

Legal regulation of social relations is the basis of the sustainable development of society. However, in the spheres of society where there is no need for imperative control over relations and where, for the convenience of the parties to contracts, simple and prompt decisions are required, the efficiency of legal regulation is far from perfect. In its usual form, legal regulation means long and complex procedures, unpredictability of many legal situations, impossibility to work without lawyers. However, law might potentially become a point of growth of the overall efficiency of interaction between citizens, business and government – the area the changes in which will cardinaly improve life, as was the case with electronics and the advent of the Internet. Globalization of the present-day world transforms the perception of self-regulation in society, bringing about the need to take into account a new phenomenon – automation in the sphere of law, which, from our point of view, will speed up the movement towards performance efficiency.

Legislators are faced with the task of implementing the idea of the possibility of law development and integration in a rapidly changing reality. In this respect, it is up to the government to create a launch platform for discussion of the issue of law automation among law experts, IT specialists as well as business and government representatives.

Law automation should help to achieve the following:

1. Reduction of dependence on the will of law enforcement agencies [administrators of law] and the other party to the contract [counterparty], which will make it possible to:

- more effectively identify the initial will [intention] of the parties to the contract or legislators;
- prevent deliberate distortion of this intention [will];
- prevent unlawful opposition to this intention [will];

– significantly reduce the risk of subsequent distortion or improper performance of the previously agreed intention [will].

2. Cost cutting, saving the time and resources spent on routine or unnecessary operations which will make it possible to:

– cut the costs associated with the work of lawyers who help to find the provisions related to a particular situation and to model their use (machine-readable provisions [laws, regulations, standards] will allow automatic search and interpretation thereof with maximum accuracy);

– cut the costs associated with the work of lawyers who help to make sense of [gain insight into] ambiguous interpretation or conflict/collision of provisions (such collisions can be eliminated at the compliance stage);

– cut the costs associated with the work of experts monitoring compliance as a result of automation of the data acquisition and analysis systems;

– cut the costs associated with the work of experts responsible for execution/enforcement of a substantial part of the decisions made by regulatory authorities and courts (orders related to money or right (title) transfer, etc., can be executed / enforced automatically).

3. Acceleration of legal relations development at the stage of coordination/approval of new provisions [laws, regulations, standards] and compliance verification. The time will be spent by the parties on commercial negotiations rather than on detailed discussion of each contract clause by lawyers. Smart contracts guarantee contract execution (performance).

4. Continuous awareness [understanding] of own risks and obligations (or those of the counterparties). Software based on machine-readable provisions of laws or contracts will allow real-time evaluation of the regulatory impact, the likely consequences of commercial arrangements established by the parties and the laws adopted.

5. Increase in the transparency of interaction with the government in public law relations and the possibility to maximize the efficiency thereof, which will reduce the level of dependence on the non-formalized will of individual officials and business representatives.

6. Increased affordability of legal services for the public due to creation of low-cost arrangements for the provision thereof.

7. Уменьшение количества коллизий в национальном праве вследствие минимизации негативных последствий человеческого фактора и неразвитости юридической техники.

Автоматизация права для государства связана с удешевлением контрольных процедур, созданием технологически более совершенного законодательства, количественное снижение неясных формулировок, коллизий между нормами законодательства, ускорение нормотворческого процесса, возможность моделирования и оценки регулирующего воздействия законодательства. Широко распространятся автоматизированные консультационные системы, которые по набору параметров будут выдавать готовые варианты поведения, документы, аналитику.

Однако решение этих задач невозможно без создания надлежащей материально-правовой базы, которая обеспечит переход к автоматизации права. Основой для перехода являются:

- создание юридического метаязыка для программного описания норм;
- создание среды и технической инфраструктуры для внедрения автоматизации права;
- создание юридического браузера;
- создание юридического тезауруса;
- открытость и доступность исходного кода и программной среды нормотворчества;
- использование разработок в области интернет технологий (Big Data, нейронные сети, смарт-контракты на основе Ethereum);
- создание законодательной базы, регламентирующей применение этих технологий.

Воля законодателя, выраженная в нормах, нередко искажается – либо по ошибке, либо умышленно. Соответственно, огромные ресурсы тратятся на то, чтобы избежать ошибки (например, расходы на юристов, толкующих нормы, на содержание судейского корпуса, на исполнительные органы). Также отсутствие автоматизации приводит к излишней бюрократизации.

Результатом неоднозначного понимания воли законодателя могут стать непоследовательность в правоприменительной деятельности и злоупотребления со стороны госорганов и регулируемых субъектов. Традиционное правовое регулирование существует много веков, однако новые технологии дают огромный про-

стор для улучшения правового регулирования в короткий период времени. Тот прогресс, который произошел за последние 10 лет в сфере криптографии, нейросетей, работы с огромными массивами данных, меняет общество, а вместе с обществом должно развиваться и право.

Председатель правления ПАО Сбербанк Г. О. Гref в своей лекции перед студентами Балтийского федерального университета им. И. Канта заявил, что в 2016 г. в Сбербанке были сокращены 450 юристов, которые готовили иски. Сокращения произошли из-за того, что нейронные сети готовят иски лучше юристов, которые не знают, как работать с нейронной сетью. Также он призвал студентов, которые заботятся о своем будущем, пройти соответствующий курс обучения¹.

Несмотря на все вышесказанное, у автоматизации права есть и недостатки, а потому следует обозначить ее пределы.

Автоматизация права должна быть направлена на ускорение юридического процесса путем упрощения формальных процедур. По словам П. В. Крашенинникова, работа законодателя или адвоката по сложным уголовным или гражданским делам, а не по долговым распискам или кредиторской задолженности, она требует анализа целого ряда обстоятельств, которые истолковать можно с точки зрения закона и так, и так. Ведь неслучайно есть такое выражение, что хороший юрист – это не тот, который знает все законы, а тот, который умеет ими пользоваться. Именно этим отличается высокий профессионал от обычного ремесленника. Ремесленника компьютер, возможно, и заменит когда-нибудь, а профессионала – никогда. Другое дело – профессия нотариуса. С учетом того, что функция нотариуса – проверять ту или иную сделку на ее соответствие закону, это может сделать и нейросеть. Регистрация сделок тоже не потребует вмешательства нотариуса, так как с переводом реестра на технологию блокчейн отпадет необходимость в регистрации факта, вся информация будет записываться в блоки цепи. То есть профессия нотариуса со временем если и не исчезнет, то очень потеряет в объеме полномочий.

¹ Погrefность // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2017/07/25/german-gref-svoej-lekciej-pered-studentami-vzorval-set.html> (дата обращения: 10 февраля 2019 г.).

7. Reduction of the amount of conflicts/collisions in national law due to minimization of the negative consequences of the human factor and of the insufficient development of legal techniques.

Law automation for the government is associated with control procedures becoming cheaper, creating a more technologically accomplished legislation, reducing the number of vague language as well as conflicts/collisions between legal provisions, accelerating the law-making process, the possibility of modeling and evaluating the regulatory impact of legislation. Automated consulting systems providing ready variants of behavior (approaches), documents and analytics based on a set of parameters will become widespread.

However, the solution of the aforementioned tasks is impossible without creating an appropriate substantive law base that will ensure the transition to law automation. The following needs to be provided to enable such transition:

- creation of a legal meta-language to enable description of provisions (laws, regulations, standards) for programming purposes;
- creation of the environment and technical infrastructure for law automation;
- creation of a legal browser;
- creation of a legal thesaurus;
- availability and accessibility of an open source code and software environment for law making;
- use of the latest IT solutions (Big Data, neural networks, smart contracts based on Ethereum);
- creation of a regulatory framework governing the use of the aforementioned technologies.

The legislative will expressed in provisions is often distorted – either by mistake or intentionally. Therefore, huge resources are spent in order to avoid such mistakes (for example, the costs associated with interpretation of provisions by lawyers as well as with the work of judicial corps and the executive bodies). Besides, the lack of automation leads to excessive bureaucratization.

Vague understanding of the legislative will may result in inconsistent law application and abuse by government authorities and the entities subject to regulation. The traditional legal regulation has existed for many centuries – however, the new technologies give an ample scope for its improvement in a short period of time. The progress

that has taken place over the past 10 years in the field of cryptography, neural networks and processing of huge amounts of data changes society, and law should develop along with such changes.

Herman Gref, CEO and Chairman of the Executive Board of Sberbank, said during his lecture to the students of Immanuel Kant Baltic Federal University, that 450 lawyers who were responsible for preparing lawsuits were made redundant by Sberbank in 2016. The redundancies took place because neural networks prepare statements of claim much better than lawyers who do not know how to work with a neural network. He also encouraged the students who care about their future to do the appropriate course of study.¹

Notwithstanding the foregoing, law automation has its drawbacks, and, therefore, its limitations should be pointed out as well.

Law automation should be aimed at speeding up the legal process through simplification of formal procedures. According to Pavel Krashennikov, the work of legislators or lawyers dealing with complex criminal or civil cases rather than with promissory notes or payables, requires analysis of a whole range of circumstances which can be interpreted in very different ways from the point of view of the law. It is not by chance that they say: “A good lawyer is not the one who knows all the laws, but the one who knows how to use them”. This is exactly what distinguishes a highly-qualified professional from an ordinary practitioner. An ordinary practitioner may be substituted with a computer someday, while a real professional may not. The profession of notary is another matter. The notary’s function is to verify compliance of transactions with the legislation which can be performed by neural networks. Registration of transactions will not require a notary either: with transition of registers to blockchain technology, there will be no need for fact registration, since all the information will be recorded in the blocks of the chain. I.e., the profession of notary – if not disappearing altogether – will lose a lot in terms of scope of authority.

¹ *Pogrefnost*, Rossiyskaya Gazeta. URL: <https://rg.ru/2017/07/25/german-gref-svoej-lekciej-pered-studentami-vzorval-set.html> (last visited on 10 February 2019).

В Швеции и ряде других стран все сделки в области недвижимости реализуются с применением технологии блокчейн. Также о переходе на технологию блокчейн в сфере ведения государственных реестров неоднократно заявляли власти Украины¹, схожей с Россией в области правовой системы.

Считается, что не допустима автоматизация права в судебных процессах, так как только человек с присущим ему образом мышления может правильно оценить ту или иную жизненную ситуацию и вынести решение, основываясь на внутренних убеждениях. Однако в российском гражданском и арбитражном процессе появляется тенденция к упрощению судебных решений, связанная с отсутствием мотивировочной части в решениях по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства. Такие изменения направлены на повышение эффективности деятельности судов и их разгрузку, при сохранении компетенции суда в лице судей на надлежащую оценку доказательств по своему внутреннему убеждению. Развитие нейросетей, а также иных механизмов обработки данных, в скором времени может привести к трансформации института упрощенного производства в гражданском и арбитражном процессе при сохранении таких свойств судебного решения, как обязательность, исполнимость, преюдициальность и неопровержимость.

Так, в сфере административного производства широко применяются средства автоматической фиксации правонарушений на транспорте. В 2017 г. пресс-служба ГИБДД отчиталась о 83,2 млн постановлений по делам об административных правонарушениях на транспорте, зафиксированных с использованием стационарных и передвижных комплексов, работающих в автоматическом режиме.

В контрактном, предпринимательском, гражданском праве, связанных с заключением сделок, удостоверением юридических фактов, исполнением обязательств, применение автоматизированного права диктуется усложнением этих процессов и развитием необходимых технологий.

¹ Украинские госреестры по земле и недвижимости скоро будут на блокчейне // Страна. URL: <https://strana.ua/news/122575-zemelnyj-reestr-i-reestr-nedvizhimosti-perevedut-na-blokchejn.html> (дата обращения: 10.02.2019).

Предпринимательское право, как право, наиболее восприимчивое к изменениям рынка, уже широко использует достижения ИТ-сферы, что особенно ярко проявляется в сфере международных поставок. Поиск решений в данной сфере заняты и крупные компании, такие как IBM и Walmart, так и небольшие финтех-стартапы, например швейцарская компания Ambrosus.

Технология блокчейн (blockchain) – система организации распределенной базы данных. В частности, она помогает проводить платежи в режиме онлайн, оперативно подтверждать актуальность данных о клиенте или сделке, регистрировать сделки и вести их реестр.

Суть решений в сфере международных поставок состоит в комбинировании разработок на основе блокчейн и Интернета вещей (например, «умных» капсул с использованием QR-кодов и RFID, разработанных для отслеживания движения продукции) со смарт-контрактами, которые в автоматизированном режиме проверяют продукцию на соответствие правовому регулированию государства, на территорию которого она попадает. Воспринимая данные изменения в сфере международных поставок, Европарламент согласовал текст резолюции об использовании блокчейна в торговле².

Внедрение технологии блокчейн в цепочки поставок может в целом увеличить эффективность, скорость и объемы глобальной торговли, ограничив затраты, связанные с международными операциями, отмечается в резолюции. Блокчейн может повысить прозрачность цепочек поставок, снизить затраты, увеличить степень доверия контрагентов, упростить процесс глобальной торговли. Компании, работающие в данном направлении, уже представляют успешные кейсы применения своих технологий в области поставок продуктов питания³.

Значительным направлением цифровизации является не только трансформация правовых институтов, но и методик преподавания правовых дисциплин.

² ЕП согласовал текст резолюции об использовании блокчейна в торговле // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20181214/1548022536.html> (дата обращения: 10.02.2019).

³ Ambrosus and the Madagascar Bourbon Vanilla Supply Chain // Ambrosus. URL: https://ambrosus.com/assets/en/vanilla_poc_web.pdf (дата обращения: 10.02.2019).

In Sweden and some other countries, blockchain technology is used for all real estate transactions. Besides, the issue of transition to blockchain technology for national registers has been repeatedly raised by the authorities of Ukraine (and the legal system of Ukraine is similar to that of Russia).¹

It is believed that law automation is not permissible in lawsuits (judicial proceedings), as only human beings with the human way of thinking can correctly assess real-life situations and make decisions based on their inner convictions. However, in Russia, there is a tendency towards simplification of court decisions in civil and arbitral proceedings in connection with the absence of the part stating the reasons for judgment in the decisions made on cases considered in simplified [summary] proceedings. Such changes are aimed at improving courts' efficiency and relieving courts from extra load while maintaining the competence of courts represented by judges in terms of their ability to properly assess the evidence based on their inner conviction. Development of neural networks as well as other data processing mechanisms may soon lead to a transformation of the institute of simplified civil and arbitral proceedings, while maintaining such properties of court decisions as binding nature, enforceability, preclusive effect (*res judicata*) and indisputability.

Thus, in the sphere of administrative proceedings, automated recording of traffic offenses is widely used. In 2017, the Russian Traffic Safety Inspectorate press service reported 83.2 million rulings made with regard to administrative offenses in the sphere of road traffic recorded using fixed and mobile automated devices.

In contract, business (commercial / entrepreneurial) and civil law related to transactions, confirmation of legally significant facts and performance of obligations, automated law application is driven by the growing complexity of these processes and development of the necessary technologies.

¹ Ukrainian National Registers of Land and Real Estate will Soon be on Blockchain, Страна. URL: <https://strana.ua/news/122575-zemelnyj-reestr-i-reestr-nedvizhimosti-perevedut-na-blokchejn.html> (last visited on 10 February 2019).

Business law, being the most susceptible to market changes, is already extensively using the IT achievements, which is especially the case in the sphere of global supply. Both large companies, such as IBM and Walmart, and smaller fintech start-ups, such as the Swiss company Ambrosus, are searching for solutions in this area.

Blockchain technology is a system for organizing distributed databases. In particular, it helps to make online payments, promptly verify the accuracy of the data related to customers or transactions as well as register and keep registers of transactions.

The essence of global supply solutions consists in combining blockchain technologies and the Internet of things (for example, smart chips using QR codes and RFID for tracking product movement) with smart contracts that automatically check products for compliance with the regulations of the country where the products are delivered. Perceiving these changes in the sphere of global supply, the European Parliament agreed on the text of the resolution on blockchain technology adoption in trade.²

In accordance with the resolution, adoption of blockchain technologies throughout the supply chain can increase the efficiency, speed and volume of global trade by limiting the costs associated with international transactions. Blockchain can help to improve transparency throughout the supply chain, cut costs, increase counterparty confidence, and simplify the global trade process. The companies working in this direction are already presenting successful cases of applying their technologies in the sphere of food products supply³.

An important direction of digitalization is not only the transformation of legal institutions, but also the methodology of teaching legal disciplines.

² European Parliament Agreed on the Text of Resolution on Blockchain Adoption in Trade, RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20181214/1548022536.html> (last visited on 10 February 2019).

³ Ambrosus and the Madagascar Bourbon Vanilla Supply Chain, Ambrosus. URL: https://ambrosus.com/assets/en/vanilla_poc_web.pdf (last visited on 10 February 2019).

Население России в целом готово к использованию цифровых технологий в обучении. Законодательство также приводится в соответствие с требованиями складывающихся общественных отношений в сфере онлайн-образования. Важнейшим проявлением цифровизации образовательного процесса является создание электронных образовательных ресурсов, предназначенных как для обучения студентов-очников, так и для дистанционного образования.

В условиях цифровизации классическому университету, стремящемуся развиваться на мировом рынке образования, борющемся за признание в мировых рейтингах, необходимо выбрать путь развития в онлайн-среде. Возможны несколько вариантов интеграции технологий онлайн-обучения в образовательный процесс:

- 1) полный перевод части образовательных программ в онлайн-режим (например, в части организации заочного и дистанционного обучения);
- 2) полный перевод только части курсов в рамках образовательных программ в онлайн-режим;
- 3) внедрение смешанного обучения (blended learning) с сохранением очных занятий, которые дополняются дистанционным контентом.

Значение информационных технологий в процессе обучения постепенно возрастает с начала 2000-х гг., а в 2011 г. произошел взрывной рост количества обучающихся по дистанционным IT-технологиям.

Рынок платформ образовательных технологий представлен большим количеством специализированных платформ, используемых университетами (однако использование платформ на клиентских условиях не является единственным доступным вариантом, университеты также разрабатывают собственные образовательные ресурсы).

На данный момент в России в рамках указанного приоритетного национального проекта разработан и введен в действие портал <https://online.edu.ru/> (Современная цифровая образовательная среда), на котором пред-

ставлено 26 национальных образовательных платформ.

Согласно данным Class Central наиболее популярными онлайн-платформами являются:

- 1) Coursera – 30 млн пользователей;
- 2) edX – 14 млн пользователей;
- 3) XuetangX – 9,3 млн пользователей;
- 4) Udacity – 8 млн пользователей;
- 5) FutureLearn – 7,1 млн пользователей.

При этом одной из самых востребованных дисциплин в сфере дистанционного обучения является юриспруденция (согласно исследованию ЮНЕСКО по Европе, число лиц, изучающих юриспруденцию с помощью онлайн-курсов, составляет 6%). Мировым лидером в области использования информационных технологий в сфере образования являются Соединенные Штаты Америки. В США из 20 млн студентов вузов онлайн обучается треть (полностью или частично). Полностью дистанционное обучение с присвоением государственного диплома предлагают многие американские колледжи и университеты, например Университет штата Пенсильвания, Бостонский университет, Университет Индианы.

По данным исследования образовательных технологий, в России онлайн-образование растет быстрее, чем на зрелых рынках, в среднем на 15% в год. Прирост числа российских учащихся на онлайн-платформах в 2017 г. по данным Coursera составил 41% (для сравнения в Европе – 28%¹). Все это сказывается на трансформации юридической науки и практики. Здесь вузы должны становиться центрами, интегрирующими современные, в том числе инновационные, образовательные практики, педагогические технологии, методики проведения научных исследований в сфере юридического образования. Необходимо создавать центры компетенции в области юридического образования и науки, которые смогут консолидировать усилия ученых в направлении совершенствования исследовательского и образовательного процессов как с содержательной, конструктивной, так и с технологической стороны.

¹ Данные конференции Ed Crunch 2018.

Overall, Russia is ready to use digital technologies in education. Legislation is also brought in line with the requirements of the evolving social relations in the sphere of online education. The most significant manifestation of educational process digitalization is the creation of electronic educational resources intended for both traditional (classroom) students and distance education.

In conditions of digitalization, a classical university aspiring to evolve in the global education market and competing for entering global ratings, needs to choose a development path in the online environment. There are several ways of online learning technology integration into the educational process:

- 1) complete transfer of some educational programs to online mode (e.g., distance education programs);
- 2) complete transfer of some of the courses within educational programs to online mode;
- 3) introduction of blended learning when classroom [on-site] education is supplemented by distance learning content.

The importance of IT in training and education has been gradually increasing since early 2000s, and 2011 saw an explosive growth in the number of distance-learning students using IT technologies.

There are many specialized platforms used by universities in the educational technology market (the use of such platforms on client terms is not the only available option – universities also develop their own educational resources).

Currently, in Russia, within the framework of the national priority project mentioned above, the Modern Digital Educational Environment portal (<https://online.edu.ru/>) including 26 national

educational platforms has been developed and launched.

According to Class Central, the most popular online platforms are:

- 1) Coursera – 30 million users;
- 2) edX – 14 million users;
- 3) XuetangX – 9.3 million users;
- 4) Udacity – 8 million users;
- 5) FutureLearn – 7.1 million users.

This being said, one of the most high-demand disciplines in the sphere of distance learning is jurisprudence (according to a UNESCO study for Europe, the percentage of people studying law online is 6%). The global leader in the sphere of information technology use for education is the US, where one third of the 20 million university students study online (fully or partially). Many US colleges and universities – such as the Pennsylvania State University, Boston University, and Indiana University – offer fully distance learning programs with a national diploma on graduation.

According to a study on educational technologies, online education in Russia is growing faster than in mature markets – by 15% a year on average. According to Coursera, the number of Russian students using online platforms for education increased by 41% in 2017 (compared to 28% in Europe¹). All this drives transformation of the science and practice of law. In this connection, higher education institutions should become centers integrating state-of-the-art, innovative educational practices, teaching technologies and research methods in the sphere of legal education. It is necessary to create centers of competence in the sphere of legal education and science which can consolidate the efforts of scientists aimed at improving the research and educational processes both in terms of content and technology.

¹ EdCrunch 2018 Conference data. URL: <https://2018.edcrunch.ru>

Заключение

Проведенный выше сравнительный анализ особенностей эволюции юридической науки в разных правовых семьях показал, что данный сегмент гуманитарного знания зародился и развивался, прежде всего, в непосредственной привязке к локальным сообществам. Мы могли наблюдать варианты вненационального взгляда на юридическую науку (речь идет о различных правовых школах исламского права, о доктрине неотомизма и юридической школе средневековых глоссаторов), но в целом право и наука о праве носили до начала эры глобализации по большей части национальный характер. Выход из неолита мировой юридической науки породил целый комплекс проблем правовой регламентации, о котором мы писали выше. Магистральной же проблемой в данном случае следует считать дискуссию об интернациональной сущности юридической науки не только в сегменте сравнительного и интеграционного права. Характеризуя практическую зону мировой юриспруденции, можно со всей уверенностью утверждать, что ее интернационализация состоялась. Многочисленные эмпирики международных юридических бюро, подкрепляемые в том числе и на легальном уровне¹, – яркое тому доказательство. Что касается юридической науки в целом, то здесь вопрос, на наш взгляд, остается открытым. Ответы на него становятся еще более затруднительными, если мы говорим не просто об интернационализации юридической науки, а об интернационализации в синтезе с цифровизацией. Возможны ли в перспективе роботизированные ученые-юристы, ведущие свою деятельность в мировом юридическом пространстве? (В 2018 г. мировой общественности уже был представлен преподаватель философии – робот.) На первый взгляд – вопрос из разряда футурологических. Но стремительность развития информационных технологий такова, что это будет футурология будущего не отдаленного, а отстоящего от нас на чрезвычайно близкий временной промежуток.

¹ См. подробно по данному вопросу Директиву № 98/5/ЕС от 16 февраля 1998 г. «Об облегчении практики адвоката в другом государстве-члене, в котором квалификация была получена на постоянной основе», в которой устанавливается важный принцип осуществления адвокатской деятельности в странах – участницах ЕС: «Любой адвокат должен иметь право практиковать на постоянном основании в любом другом государстве-члене под профессиональным титулом своей страны».

Библиографический список

1. Абу Амина Биляль Филлипс. Эволюция фикха (Исламский закон и мазхабы) / пер.с англ.Т. В. Гончаровой. Киев: Ансар Фаундейшн, 2001. 224 с.
2. Аннерс Э. История европейского права. М.: Наука, 1994. 397 с.
3. Бондаренко Ю. В. История становления и развития канонического права в период раннего христианства и Вселенских соборов // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 291–294.
4. Валдавина С. Э., Косарева Е. С. Юридическая наука как прообраз западной науки Нового времени // Философия права. 2016. № 3 (76). С. 60–63.
5. Васильев И. В. О сущности и пользе законов вообще и о необходимости изучения законов отечественных: лекция. М., 1828. 19 с.
6. Виноградов П. Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе. М.: Зерцало, 2010. 288 с.
7. Вишневецкий А. А. Каноническое право. Древняя Церковь и Западная традиция. М.: Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006. 276 с.
8. Вишневецкий А. А. О системе канонического права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 4. С. 47–59.
9. Воскресенский Н. А. Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 640 с.
10. Герасименко А. П. Англо-американская философия права. Благовещенск, 2016. 165 с.
11. Доктор Рахман. Краткая история ислама. М., 2003. 416 с.
12. Захарова М. В. Влияние глобализации на юридическую карту // Lex Russica. 2011. № 3. С. 417–444.
13. Захарова М. В. Правовые сообщества современности: опыты и ошибки типового строительства // Юридическое образование и наука. 2016. № 1. С. 16–19.
14. Захарова М. В. Сравнительное право: вопросы теории и практики. М.: Проспект, 2012. 157 с.
15. Игнатенко А. А. Ислам в XXI веке: главные направления исследований // Исламоведение. 2010. № 3. С. 4–29.
16. Кабриак Р. Кодификации. М., 2007. 480 с.
17. Калинина Е. В., Белякова А. М. Мидраш как техника анализа текстов Торы и основа послесинайского правотворчества // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 5. С. 41–45.

Conclusion

The above comparative analysis of the peculiarities of the evolution of the science of law in its different “families” (legal systems) showed that this segment of humanitarian knowledge originated and developed primarily in direct connection to local communities. We could observe the variants of a non-national point of view on legal science (as in the case of different schools of Islamic law, the doctrine of neo-Thomism and the law school of medieval glossators), but in general law and the science of law were mainly of a national character until the beginning of the era of globalization. The end of the “Neolithic Age” for the global science of law generated a whole range of problems of legal regulation which were described above. The main problem in this respect would be a discussion about the global (international) essence of jurisprudence not only from the comparative law and integration law perspective. When speaking about the practical aspect of global jurisprudence, one can state with certainty that its internationalization has taken place. Numerous empiricists from global law offices, supported, among other things, at the legal level as well¹, are a vivid proof of that. As for the science of law in general, the question remains open, in our opinion. The answers to this question become even more difficult if we talk not only about internationalization of the science of law, but about internationalization together with digitalization. Is there a possibility for the existence of robotic academic lawyers (legal scholars) operating in the future global legal space? (For example, in 2018, a robotic philosophy teacher was presented to the global public.) At first glance, this is a futuristic question. However, the speed of IT development is so fast that it looks like the futurology of not so distant future, but of the future from which we are separated by an extremely short time span.

¹ For details see: Directive 98/5/EC of 16 February 1998 to facilitate practice of the profession of lawyer on a permanent basis in a Member State other than that in which the qualification was obtained which establishes an important principle for the practice of law in the EU Member States: “Any lawyer shall be entitled to pursue [the activities] on a permanent basis, in any other Member State under his home-country professional title”

References

1. Abu Ameenah Bilal Philips. *Evolutsiya fikha (Islamskiy zakon i mazhaby)* [The Evolution of Fiqh (Islamic Law and The Madh-habs)]; transl. from Eng. by T.V. Goncharova]. Kiev, 2001. 224 p. (In Russ.).
2. *Anners E. Istoriya evropeyskogo prava* [History of European Law]. Moscow, 1994. 397 p. (In Russ.).
3. *Bondarenko Yu. V. Istoriya stanovleniya i razvitiya kanonicheskogo prava v period ranego khristianstva i vselenskikh soborov* [History of Formation and Development of the Canonical Law in the Period of Early Christianity and the Era of Ecumenical Councils]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian Legislation*. 2011. Issue 6. Pp. 291–294. (In Russ.).
4. *Valdavina S. E., Kosareva E. S. Yuridicheskaya nauka kak proobraz zapadnoy nauki Novogo vremeni* [Legal Science as a Type of Western Science of Moderns Times]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 2016. Issue 3(76). Pp. 60–63. (In Russ.).
5. *Vasil'ev I. V. O sushchnosti i pol'ze zakonov voobshche i o neobkhodimosti izucheniya zakonov otechestvennykh: lektiya* [On the Essence and Benefits of Laws in General and on the Need to Study Domestic Laws: Lecture]. Moscow, 1828. 19 p. (In Russ.).
6. *Vinogradoff P. G. Ocherki po teorii prava. Rimskoe pravo v srednevekovoy Evrope* [Essays on the Theory of Law. Roman Law in Medieval Europe]. Moscow, 2010. 288 p. (In Russ.).
7. *Vishnevskiy A. A. Kanonicheskoe pravo. Drevnyaya Tserkov' i Zapadnaya traditsiya* [Canon Law. Ancient Church and the Western Tradition]. Moscow, 2006. 276 p. (In Russ.).
8. *Vishnevskiy A. A. O sisteme kanonicheskogo prava* [On Canon Law System]. *Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2010. Issue 4. Pp. 47–59. (In Russ.).
9. *Voskresenskiy N. A. Petr Velikiy kak zakonodatel'. Issledovanie zakonodatel'nogo protsesa v Rossii v epokhu reform pervoy chetverti XVIII veka* [Peter the Great as a Legislator. The Study of Legislative Process in Russia in the Era of Reforms of the First Quarter of the 18th Century]. Moscow, 2017. 640 p. (In Russ.).

18. *Кая М.* 250 хадисов с комментариями о нормах жизни мусульманина / пер. с тур. 2-е изд. М., 2010. 616 с.
19. *Кожевина М. А.* Юридическая наука и законотворчество в России: к истории вопроса // Пролог: журнал о праве = Prologue: Law Journal. 2016. № 3. С. 10–13.
20. Коран: переводы и комментарии. Сунна, хадисы Пророка. М., 2006. 783 с.
21. *Кресин А. В.* Немецкая философия национального права в конце XVIII – начале XIX в. и трансформация юридической науки // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 197–209.
22. *Кросс Р.* Прецедент в английском праве / пер. с англ. Т. В. Апаровой; под общ. ред. Ф. М. Решетникова. М.: Юрид. Лит., 1985. 238 с.
23. *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в Средние века. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 160 с.
24. *Луковская Д. И.* Социологическое направление во французской теории права. Л., 1972. 128 с.
25. *Малиновская Н. В.* Исторические корни методологических основ современной правовой интерпретации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 263–269.
26. *Меркель А.* Юридическая энциклопедия / пер. Ф. К. Зейделя; под ред. приват-доцента В. М. Грибовского, со второго по смертного издания А. Меркеля. СПб.: Изд. Юрид. кн. магазина Н. К. Мартынова, 1902. 256 с.
27. *Меркель А.* Рудольф Иеринг // Журнал юридического общества: при Императорском С.-Петербургском университете. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1894. Кн. 1. С. 4–31.
28. *Меркель А.* Сила и право [пер. с нем.] // Международная библиотека. Одесса, 1895. № 27. 40 с.
29. *Михайлов А. М.* Очерки по теории и истории английского права. М.: Юрлитинформ, 2015. 368 с.
30. *Недилько Ю. В.* «Комментарии к законам Англии» У. Блэкстона и их значение для разработки способов и правил толкования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 5. С. 78–82.
31. *Немецкая историческая школа права* / П. Новгородцев, С. Муромцев, Н. Кареев и др. Челябинск: Социум, 2010. 528 с.
32. *Новгородцев П. А.* Историческая школа юристов. Ее происхождение и судьба (1986) // Немецкая историческая школа права / П. Новгородцев, С. Муромцев, Н. Кареев и др. Челябинск: Социум, 2010. С. 1–225.
33. *Оксамытний В. В.* Многоаспектность источников современной правовой системы Израиля // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 165–168.
34. *Полдников Д. Ю.* Научная доктрина и аргументация судебных решений в континентальной правовой традиции: эпоха формирования // Юридическая техника. Ежегодник. Третьи Бабаевские чтения: Юридическая аргументация: теория, практика, техника. Н. Новгород, 2013. № 7, ч. 1. С. 279–286.
35. *Пржильенский В. И.* Неокантианство в советской и постсоветской юриспруденции: жизнь под чужим именем // Герман Коген в истории русской философии: тез. докл. и программа междунар. науч. конф. (Москва, 4–5 июня 2018 г.). М., 2018. С. 15–16.
36. *Соловьев А. А.* Зарубежные модели и опыт кодификации спортивного законодательства. М., 2011. 100 с.
37. *Уваров П. Ю.* История интеллектуалов и интеллектуального труда в Средневековой Европе: курс лекций. М., 2000. 98 с.
38. *Успенская Н. А.* Высшее образование в арабских странах: прошлое и настоящее // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 307–312.
39. *Элон М.* Еврейское право. СПб.: Юрид. центр-Пресс, 2002. 611 с.
40. *Юмашев Ю. М., Фильмонов К. В.* Европейский Союз и международное частное право: истоки европейского частного права (школа глоссаторов) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2009. № 1. С. 3–20.
41. *Arnaud A.-J.* Les juristes face à la société 1975–1993 // Droit et société. 1993. № 25. Les produits juridiques de l'appareil judiciaire comme objet sociologique. Pp. 525–541.
42. *Arnaud A.-J.* Les juristes face à la société du 19 siècle à nos jours. Paris: PUF, 1975. 228 p.
43. *Arnaud A.-J.* Reflections on «Complex decision» and European Law– Making Process // A.-J. Arnaud et V. Olgiati (éd.). On Complexity and Socio-Légal Studies: some European Examples. Oftati, IISL, 1993 (Onati Proceedings, vol. 14). Pp. 102–114.
44. *Barbour W. T.* Some Aspects of Fitcenth-Chancery // Harvard Law Review. 1917–1918. Issue. 31. Pp. 245–313.
45. *Bergbohm K.* Jurisprudenz und Rechtsphilosophie: kritische Abhandlungen. Bd. 1, 10. *Gerasimenko A. P.* Anglo-amerikanskaya filozofiya prava [Anglo-American Philosophy of Law]. Blagoveshchensk, 2016. 165 p. (In Russ.).
11. *Doctor Rahman.* Kratkaya istoriya islama [A Brief History of Islam]. Moscow, 2003. 416 p. (In Russ.).
12. *Zakharova M. V.* Vliyaniye globalizatsii na yuridicheskuyu kartu [Impact of Globalization on the Legal Map of the World]. Lex Russica – LEX RUSSICA. 2011. Vol. 70. Issue 3. Pp. 417–444. (In Russ.).
13. *Zakharova M. V.* Pravovye soobshchestva sovremennosti: opyty i oshibki tipovogo stroitel'stva [Legal Communities of the Present: Experiences and Mistakes of Their Standard Construction]. Yuridicheskoe obrazovanie i nauka – Juridical Education and Science. 2016. Issue 1. Pp. 16–19. (In Russ.).
14. *Zakharova M. V.* Sravnitel'noye pravo: voprosy teorii i praktiki [Comparative Law: Aspects of Theory and Practice]. Moscow, 2012. 157 p. (In Russ.).
15. *Ignatenko A. A.* Islam v XXI veke: glavnye napravleniya issledovaniy [Islam in the 21st Century: Main Directions of Research]. Islamovedenie – Islamic Studies. 2010. Issue 3. Pp. 4–29. (In Russ.).
16. *Cabrillac R.* Kodifikatsii [Codifications]. Moscow, 2007. 480 p. (In Russ.).
17. *Kalinina E. V., Belyakova A. M.* Midrash kak tekhnika analiza tekstov Tory i osnova poslesinayskogo pravotvorchestva [Midrash as a Technique for Analyzing Torah Texts and a Basis of Post-Sinaic Lawmaking]. Probely v rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian Legislation. 2011. Issue 5. Pp. 41–45. (In Russ.).
18. *Kaya M.* 250 khadisov s kommentariyami o normakh zhizni musul'manina / per. s tur. 2-e izd. [250 Hadith with Comments on the Rules of Muslim Life; transl. from Turkish. 2nd ed.]. Moscow, 2010. 616 p. (In Russ.).
19. *Kozhevina M. A.* Yuridicheskaya nauka i zakonotvorchestvo v Rossii: k istorii voprosa [Jurisprudence and Lawmaking in Russia: to the Historical Background]. Prolog: zhurnal o prave – Prologue: Law Journal. 2016. Issue 3. Pp. 10–13. (In Russ.).
20. *Koran, perevody i kommentarii. Sunna, khadisy Proroka* [Quran, Translations and Comments. Sunnah, Hadith of the Prophet]. Moscow, 2006. 783 p. (In Russ.).
21. *Kresin A. V.* Nemetskaya filozofiya natsional'nogo prava v kontse XVIII – nachale XIX v. i transformatsiya yuridicheskoy nauki [German Philosophy of National Law in Late 18th and Early 19th Century and Transformation of Jurisprudence]. Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk – Research Yearbook of The Institute of Philosophy and Law of the Urals Division of the Russian Academy of Sciences. 2014. Vol. 14. Issue 3. Pp. 197–209. (In Russ.).
22. *Cross R.* Pretsedent v angliyskom prave / per. s angl. T. V. Aparovoy; pod obshch. red. F. M. Reshetnikova [Precedent in English Law; transl. from Eng. by T. V. Aparova; ed. by F. M. Reshetnikov]. Moscow, 1985. 238 p. (In Russ.).
23. *Le Goff J.* Intellektualy v Srednie veka [Intellectuals in the Middle Ages]. St. Petersburg, 2003. 160 p. (In Russ.).
24. *Lukovskaya D. I.* Sotsiologicheskoe napravlenie vo frantsuzskoy teorii prava [Sociological Direction in the French Theory of Law]. Leningrad, 1972. 128 p. (In Russ.).
25. *Malinovskaya N. V.* Istoricheskie korni metodologicheskikh osnov sovremennoy pravovoy interpretatsii [Historical Roots of the Methodological Basis of Modern Legal Interpretation]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2008. Issue 2. Pp. 263–269. (In Russ.).
26. *Merkel A.* Yuridicheskaya entsiklopediya / per. F. K. Zeydelya; pod red. V. M. Gribovskogo, so vtorogo posmertnogo izdaniya [Juridical Encyclopedia; transl. by F. K. Zeydel'; ed. by V. M. Gribovskiy; based on the 2nd posthumous edition]. St. Petersburg, 1902. 256 p. (In Russ.).
27. *Merkel A.* Rudolf'Iering [Rudolf von Jhering]. Zhurnal yuridicheskogo obshchestva: pri Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete – Journal of the Law Society at the Saint Petersburg Imperial University. St. Petersburg, 1894. Book 1. Pp. 4–31. (In Russ.).
28. *Merkel A.* Sila i pravo / per. s nem. [Force and Law; transl. from Germ.]. Mezhdunarodnaya biblioteka – International Library. Odessa, 1895. Issue 27. 40 p. (In Russ.).
29. *Mikhaylov A. M.* Ocherki po teorii i istorii angliyskogo prava [Essays on the Theory and

- Einleitung. Abh. 1: Das Naturrecht der Gegenwart. 1892. 566 p.
46. *Césaro J.-F. et alii.* Pour la leçon d'agrégation en 24 heures. Dijon, 2004. 462 p.
47. *Delpeuch Th.* Une critique de la globalisation juridique de style civiliste. État des réflexions latines sur la transnationalisation du droit à partir du Dictionnaire de la globalisation // Droit et société. 2012. Issue 3, № 82. Pp. 733–761.
48. *Doe N.* Fundamentals of Authority in Late Medieval in English Law. Cambridge, 1990.
49. *Gatti-Montain J.* Le système d'enseignement du droit en France. Presses Universitaires de Lyon, Coll. Critique du droit, 1987. 312 p.
50. *Ghestin J., Goubeaux G.* Traité de Droit Civil. Introduction générale. Paris, 1990. 891 p.
51. Islamic Finance for Asia: Development, Prospects, and Inclusive Growth. Manila: Asian Development Bank, 2015. 111 p.
52. *Moron-Puech B.* État des lieux et propositions nouvelles pour une évolution du concours d'agrégation de l'enseignement supérieur // Revue de Droit d'Assas. 2016. 12. URL: https://www.u-paris2.fr/sites/default/files/document/brochures_plaquette/rda-12-fevrier-2016.pdf. (date of circulations: 10.01.2019).
53. *Poirmeur Y.* La fin du droit: approches politistes // La fin du droit? Actes du colloque des 5 et 6 décembre 2013. Mare & Martine. 293 p.
54. *Postema G. J.* Some Roots of the Notion of Precedent // Precedent in Law (*Goldstein L.* ed.). 1987. Pp. 9–33.
55. *Selden J.* Seldeniana, or, The Table Talk of John Selden. London, 1789. Pp. 45–46.
56. *Vinogradoff P.* Collected papers, Greek Law. Oxford, 1928. Vol. 2. 41 p.
57. *Wade E. C. S., Bradley A. W.* Constitutional and Administrative Law. London, 1994. Pp. 31–33.
58. *Wieacker F.* Privatrechtsgeschichte der Neuzeit. Göttingen, 1967. 659 p.
59. *Zakharova M. V., Voronin M. V.* Measure of Freedom in the Context of Legal Regulation of Genomic Research: Foreign Experience // Revista Dilemascontemporáneos: Educación, Política y Valores. Year VI. Special Edition. December 2018. URL: https://dilemascontemporaneoseducacionpoliticaayvalores.com/_files/200004128c6b43c7b2e/EE%2018.12.16%20Medida%20de%20libertad%20en%20el%20contexto%20de%20la%20regulaci%C3%B3n%20legal%20de....pdf (date of circulations: 10.01.2019).
60. *Kerchove M. van de, Ost F.* Le système juridique entre ordre et désordre. Paris: Presses Universitaires de France, 1988. 254 p.

References

1. *Abu Ameenah Bilal Philips.* *Evolutsiya fikha (Islamskiy zakon i mazhaby)* [The Evolution of Fiqh (Islamic Law and The Madhabs)]; transl. from Eng. by T.V. Goncharova]. Kiev, 2001. 224 p. (In Russ.).
2. *Annens E.* *Istoriya evropeyskogo prava* [History of European Law]. Moscow, 1994. 397 p. (In Russ.).
3. *Bondarenko Yu. V.* *Istoriya stanovleniya i razvitiya kanonicheskogo prava v period ranego khristianstva i Vselenskikh soborov* [History of Formation and Development of the Canonical Law in the Period of Early Christianity and the Era of Ecumenical Councils]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian Legislation.* 2011. Issue 6. Pp. 291–294. (In Russ.).
4. *Valdavina S. E., Kosareva E. S.* *Yuridicheskaya nauka kak proobraz zapadnoy nauki Novogo vremeni* [Legal Science as a Type of Western Science of Moderns Times]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law.* 2016. Issue 3(76). Pp. 60–63. (In Russ.).
5. *Vasil'ev I. V.* *O sushchnosti i pol'ze zakonov voobshche i o neobkhodimosti izucheniya zakonov otechestvennykh: lektsiya* [On the Essence and Benefits of Laws in General and on the Need to Study Domestic Laws: Lecture]. Moscow, 1828. 19 p. (In Russ.).
6. *Vinogradoff P. G.* *Ocherki po teorii prava. Rimskoe pravo v srednevekovoy Evrope* [Essays on the Theory of Law. Roman Law in Medieval Europe]. Moscow, 2010. 288 p. (In Russ.).
7. *Vishnevskiy A. A.* *Kanonicheskoe pravo. Drevnyaya Tserkov' i Zapadnaya traditsiya* [Canon Law. Ancient Church and the Western Tradition]. Moscow, 2006. 276 p. (In Russ.).
8. *Vishnevskiy A. A.* *O sisteme kanonicheskogo prava* [On Canon Law System]. *Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics.* 2010. Issue 4. Pp. 47–59. (In Russ.).
9. *Voskresenskiy N. A.* *Petr Velikiy kak zakonodatel'. Issledovanie zakonodatel'nogo protsesa v Rossii v epokhu reform pervoy chetverti XVIII veka* [Peter the Great as a Legislator. The Study of Legislative Process in Russia in the Era of Reforms of the First Quarter of the 18th Century]. Moscow, 2017. 640 p. (In Russ.).

- History of English Law]. Moscow, 2015. 368 p. (In Russ.).
30. *Nedil'ko Yu. V.* “*Kommentarii k zakonam Anglii*” U. *Blekstona i ikh znachenie dlya razrabotki sposobov i pravil tolkovaniya* [W. Blackstone's “Commentaries on the Laws of England” and Their Importance for the Development of Methods and Rules of Law Interpretation]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki – Humanities, Social-Economic and Social Sciences.* 2015. Issue 5. Pp. 78–82. (In Russ.).
 31. *Novgorodtsev P., Muromtsev S., Kareev N. et al.* *Nemetskaya istoricheskaya shkola prava* [German Historical School of Law]. Chelyabinsk, 2010. 528 p. (In Russ.).
 32. *Novgorodtsev P. A.* *Istoricheskaya shkola yuristov. Ee proiskhozhdenie i sud'ba* [Historical School of Lawyers. Its Origin and Fate]. *Nemetskaya istoricheskaya shkola prava / P. Novgorodtsev, S. Muromtsev, N. Kareev i dr.* [German Historical School of Law; P. Novgorodtsev, S. Muromtsev, N. Kareev et al.]. Chelyabinsk, 2010. Pp. 1–225. (In Russ.).
 33. *Oksamytnyy V. V.* *Mnogoaspektnost' istochnikov sovremennoy pravovoy sistemy Izrailya* [Multidimensionality of Sources of the Modern Legal System of Israel]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta – The Bryansk State University Herald.* 2013. Issue 2. Pp. 165–168. (In Russ.).
 34. *Poldnikov D. Yu.* *Nauchnaya doktrina i argumentatsiya sudebnykh resheniy v kontinental'noy pravovoy traditsii: epokha formirovaniya* [Academic Doctrine and Argumentation of Court Decisions in the Continental Law Tradition: Era of Formation]. *Yuridicheskaya tekhnika. Ezhegodnik. Tre'ti Babayevskie chteniya: Yuridicheskaya argumentatsiya: teoriya, praktika, tekhnika* [Juridical Technique. Yearbook. Third Babayev's Readings: Juridical Argumentation: Theory, Practice, Technique]. Nizhny Novgorod, 2013. Issue 7. Part 1. Pp. 279–286. (In Russ.).
 35. *Przhilenskiy V. I.* *Neokantianstvo v sovetskoy i postsovetskoy yurisprudentsii: zhizn' pod chuzhim imenem* [Neo-Kantianism in the Soviet and Post-Soviet Jurisprudence: Life under an Assumed Name]. *German Kogen v istorii russkoy filosofii: tezisy dokladov i programma mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Moskva, 4-5 iyunya 2018 g.* [Hermann Cohen in the History of Russian Philosophy: Summaries of Reports and Program of International Scientific Conference. Moscow, June 4–5, 2018]. Moscow, 2018. Pp. 15–16. (In Russ.).
 36. *Solov'ev A. A.* *Zarubezhnye modeli i opyt kodifikatsii sportivnogo zakonodatel'stva* [Foreign Models and Experience of Codifying Sport Legislation]. Moscow, 2011. 100 p. (In Russ.).
 37. *Uvarov P. Yu.* *Istoriya intellektualov i intellektual'nogo truda v Srednevekovoy Evrope: kurs lektsiy* [History of Intellectuals and Intellectual Labour in Medieval Europe: Lecture Course]. Moscow, 2000. 98 p. (In Russ.).
 38. *Uspenskaya N. A.* *Vysshee obrazovanie v arabskikh stranakh: proshloe i nastoyashchee* [Higher Education in Arab Countries: from Past to Present]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations.* 2014. Vol. 35. Issue 2(35). Pp. 307–312. (In Russ.).
 39. *Elon M.* *Evreyskoe pravo* [Jewish Law]. St. Petersburg, 2002. 611 p. (In Russ.).
 40. *Yumashev Yu. M., Filimonov K. V.* *Evropeyskiy Soyuz i mezhdunarodnoe chastnoe pravo: istoki evropeyskogo chastnogo prava (shkola glossatorov)* [European Union and International Private Law: Origins of European Private Law (the School of Glossators)]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics.* 2009. Issue 1. Pp. 3–20. (In Russ.).
 41. *Arnaud A.-J.* Les juristes face à la société 1975–1993. Droit et société. 1993. Issue 25. Pp. 525–541. (In Fr.).
 42. *Arnaud A.-J.* Les juristes face à la société du 19 siècle à nos jours. Paris, 1975. 228 p. (In Fr.).
 43. *Arnaud A.-J.* Reflections on ‘Complex Decision’ and European Law-Making Process. In: *Arnaud A.-J., Olgiati V.* (ed.) ‘On Complexity and Socio-Legal Studies: Some European Examples’. *Oñati Proceedings. Oñati, IISL-Oñati,* 1993. Vol. 14. Pp. 102–114. (In Fr.).
 44. *Barbour W. T.* Some Aspects of Fifteenth Century Chancery. *Harvard Law Review.* 1917–1918. Issue 31. Pp. 245–313. (In Eng.).
 45. *Bergbohm K.* Jurisprudenz und Rechtsphilosophie: kritische Abhandlungen. Bd. 1, Einleitung. Abh. 1: Das Naturrecht der Gegenwart. 1892. 566 p. (In Germ.).
 46. *Césaro J.-F. et al.* Pour la leçon d'agrégation en 24 heures. Dijon, 2004. 462 p. (In Fr.).
 47. *Delpeuch Th.* Une critique de la globalisation juridique de style civiliste. État des réflexions latines sur la transnationalisation du droit à partir du Dictionnaire de la globalisation. Droit et société. 2012. Issue 3(82). Pp. 733–761. (In Fr.).

10. *Gerasimenko A. P. Anglo-amerikanskaya filozofiya prava* [Anglo-American Philosophy of Law]. Blagoveshchensk, 2016. 165 p. (In Russ.).
11. *Doctor Rahman. Kratkaya istoriya islama* [A Brief History of Islam]. Moscow, 2003. 416 p. (In Russ.).
12. *Zakharova M. V. Vliyaniye globalizatsii na yuridicheskuyu kartu* [Impact of Globalization on the Legal Map of the World]. *Lex Russica* – LEX RUSSICA. 2011. Vol. 70. Issue 3. Pp. 417–444. (In Russ.).
13. *Zakharova M. V. Pravovye soobshchestva sovremennosti: opyty i oshibki tipovogo stroitel'stva* [Legal Communities of the Present: Experiences and Mistakes of Their Standard Construction]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka* – Juridical Education and Science. 2016. Issue 1. Pp. 16–19. (In Russ.).
14. *Zakharova M. V. Sravnitel'noye pravo: voprosy teorii i praktiki* [Comparative Law: Aspects of Theory and Practice]. Moscow, 2012. 157 p. (In Russ.).
15. *Ignatenko A. A. Islam v XXI veke: glavnye napravleniya issledovaniy* [Islam in the 21st Century: Main Directions of Research]. *Islamovedenie* – Islamic Studies. 2010. Issue 3. Pp. 4–29. (In Russ.).
16. *Cabrillac R. Kodifikatsii* [Codifications]. Moscow, 2007. 480 p. (In Russ.).
17. *Kalinina E. V., Belyakova A. M. Midrash kak tekhnika analiza tekstov Tory i osnova poslesinayskogo pravotvorchestva* [Midrash as a Technique for Analyzing Torah Texts and a Basis of Post-Sinaitic Lawmaking]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve* – Gaps in Russian Legislation. 2011. Issue 5. Pp. 41–45. (In Russ.).
18. *Kaya M. 250 khadisov s kommentariyami o normakh zhizni musul'manina / per. s tur. 2-e izd.* [250 Hadith with Comments on the Rules of Muslim Life; transl. from Turkish. 2nd ed.]. Moscow, 2010. 616 p. (In Russ.).
19. *Kozhevina M. A. Yuridicheskaya nauka i zakonotvorchestvo v Rossii: k istorii voprosa* [Jurisprudence and Lawmaking in Russia: to the Historical Background]. *Prolog: zhurnal o prave* – Prologue: Law Journal. 2016. Issue 3. Pp. 10–13. (In Russ.).
20. *Koran, perevody i kommentarii. Sunna, khadisy Proroka* [Quran, Translations and Comments. Sunnah, Hadith of the Prophet]. Moscow, 2006. 783 p. (In Russ.).
21. *Kresin A. V. Nemetskaya filozofiya natsional'nogo prava v kontse XVIII – nachale XIX v. i transformatsiya yuridicheskoy nauki* [German Philosophy of National Law in Late 18th and Early 19th Century and Transformation of Jurisprudence]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filozofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* – Research Yearbook of The Institute of Philosophy and Law of the Urals Division of the Russian Academy of Sciences. 2014. Vol. 14. Issue 3. Pp. 197–209. (In Russ.).
22. *Cross R. Pretsedent v angliyskom prave / per. s angl. T. V. Aparovoy; pod obshch. red. F. M. Reshetnikova* [Precedent in English Law; transl. from Eng. by T. V. Aparova; ed. by F. M. Reshetnikov]. Moscow, 1985. 238 p. (In Russ.).
23. *Le Goff J. Intellektualy v Srednie veka* [Intellectuals in the Middle Ages]. St. Petersburg, 2003. 160 p. (In Russ.).
24. *Lukovskaya D. I. Sotsiologicheskoe napravlenie vo frantsuzskoy teorii prava* [Sociological Direction in the French Theory of Law]. Leningrad, 1972. 128 p. (In Russ.).
25. *Malinovskaya N. V. Istoricheskie korni metodologicheskikh osnov sovremennoy pravovoy interpretatsii* [Historical Roots of the Methodological Basis of Modern Legal Interpretation]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2008. Issue 2. Pp. 263–269. (In Russ.).
26. *Merkel A. Yuridicheskaya entsiklopediya / per. F. K. Zeydelya; pod red. V. M. Gribovskogo, so vtorogo posmertnogo izdaniya* [Juridical Encyclopedia; transl. by F. K. Zeydel'; ed. by V. M. Gribovskiy; based on the 2nd posthumous edition]. St. Petersburg, 1902. 256 p. (In Russ.).
27. *Merkel A. Rudolf Iering* [Rudolf von Ihering]. *Zhurnal yuridicheskogo obshchestva: pri Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete* – Journal of the Law Society at the Saint Petersburg Imperial University. St. Petersburg, 1894. Book 1. Pp. 4–31. (In Russ.).
28. *Merkel A. Sila i pravo / per. s nem.* [Force and Law; transl. from Germ.]. *Mezhdunarodnaya biblioteka* – International Library. Odessa, 1895. Issue 27. 40 p. (In Russ.).
29. *Mikhaylov A. M. Ocherki po teorii i istorii angliyskogo prava* [Essays on the Theory and
48. *Doe N. Fundamentals of Authority in Late Medieval English Law*. Cambridge, 1990. Pp. 3–4. (In Eng.).
49. *Gatti-Montain J. Le système d'enseignement du droit en France*. Lyon, 1987. 312 p. (In Fr.).
50. *Ghestin J., Goubeaux G. Traité de Droit Civil. Introduction générale*. Paris, 1990. 891 p. (In Fr.).
51. *Islamic Finance for Asia: Development, Prospects, and Inclusive Growth*. Manila: Asian Development Bank, 2015. 111 p. (In Eng.).
52. *Moron-Puech B. État des lieux et propositions nouvelles pour une évolution du concours d'agrégation de l'enseignement supérieur*. *Revue de Droit d'Assas*. 2016. Issue 12. Available at: https://www.u-paris2.fr/sites/default/files/document/brochures_plaquette/rd-a-12-fevrier-2016.pdf (accessed 10.01.2019). (In Fr.).
53. *Poirmeur Y. La fin du droit: approches politistes. La fin du droit? Actes du colloque des 5 et 6 décembre 2013*. Mare & Martine. 293 p. (In Fr.).
54. *Postema G. J. Some Roots of the Notion of Precedent*. *Precedent in Law*; ed. by L. Goldstein. 1987. Pp. 9–33. (In Eng.).
55. *Selden J. Seldeniana: Or, The Table-Talk of John Selden*. London, 1789. Pp. 45–46. (In Eng.).
56. *Vinogradoff P. Collected Papers, Greek Law*. Oxford, 1928. Vol. 2. 41 p. (In Eng.).
57. *Wade E. C. S. and Bradley A. W. Constitutional and Administrative Law*. London, 1994. Pp. 31–33. (In Eng.).
58. *Wieacker F. Privatrechtsgeschichte der Neuzeit*. Goettingen, 1967. 659 p. (In Germ.).
59. *Zakharova M. V. and Voronin M. V. Measure of Freedom in the Context of Legal Regulation of Genomic Research: Foreign Experience*. *Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores*. Year VI. Special Edition. December 2018. Available at: https://dilemascontemporaneoseducacion-politica-y-valores.com/_files/200004128c6b43c7b2e/EE%2018.12.16%20Medida%20de%20libertad%20en%20el%20contexto%20de%20la%20regulaci%C3%B3n%20legal%20de.....pdf (accessed 10.01.2019). (In Eng.).
60. *Kerchove M. van de and Ost F. Le système juridique entre ordre et désordre*. Paris, 1988. 254 p. (In Fr.).

References in Russian

1. *Абу Амина Биляль Филлис. Эволюция фикха (Исламский закон и мазхабы) / пер.с англ. Т. В. Гончаровой. Киев: Ансар Фаундейшн, 2001. 224 с.*
2. *Аннерс Э. История европейского права. М.: Наука, 1994. 397 с.*
3. *Бондаренко Ю. В. История становления и развития канонического права в период раннего христианства и Вселенских соборов // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 291–294.*
4. *Валдавина С. Э., Косарева Е. С. Юридическая наука как прообраз западной науки Нового времени // Философия права. 2016. № 3 (76). С. 60–63.*
5. *Васильев И. В. Осущности и пользе законов вообще и о необходимости изучения законов отечественных: лекция. М., 1828. 19 с.*
6. *Виноградов П. Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе. М.: Зерцало, 2010. 288 с.*
7. *Вишиневский А. А. Каноническое право. Древняя Церковь и Западная традиция. М.: Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006. 276 с.*
8. *Вишиневский А. А. О системе канонического права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 4. С. 47–59.*
9. *Воскресенский Н. А. Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 640 с.*
10. *Герасименко А. П. Англо-американская философия права. Благовещенск, 2016. 165 с.*
11. *Доктор Рахман. Краткая история ислама. М., 2003. 416 с.*
12. *Захарова М. В. Влияние глобализации на юридическую карту // Lex Russica. 2011. № 3. С. 417–444.*
13. *Захарова М. В. Правовые сообщества современности: опыты и ошибки типового строительства // Юридическое образование и наука. 2016. № 1. С. 16–19.*
14. *Захарова М. В. Сравнительное право: вопросы теории и практики. М.: Проспект, 2012. 157 с.*
15. *Игнатенко А. А. Ислам в XXI веке: главные направления исследований // Исламоведение. 2010. № 3. С. 4–29.*
16. *Кабрияк Р. Кодификации. М., 2007. 480 с.*
17. *Калинина Е. В., Белякова А. М. Мидраш как техника анализа текстов Торы и основа послесинайского правотворчества // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 5. С. 41–45.*

- History of English Law]. Moscow, 2015. 368 p. (In Russ.).
30. Nedil'ko Yu. V. "Kommentarii k zakonom Anglii" U. Blekstoni i ikh znachenie dlya razrabotki sposobov i pravil tolkovaniya [W. Blackstone's "Commentaries on the Laws of England" and Their Importance for the Development of Methods and Rules of Law Interpretation]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki* – Humanities, Social-Economic and Social Sciences. 2015. Issue 5. Pp. 78–82. (In Russ.).
 31. Novgorodtsev P., Muromtsev S., Kareev N. et al. *Nemetskaya istoricheskaya shkola prava* [German Historical School of Law]. Chelyabinsk, 2010. 528 p. (In Russ.).
 32. Novgorodtsev P. A. *Istoricheskaya shkola yuristov. Ee proiskhozhdenie i sud'ba* [Historical School of Lawyers. Its Origin and Fate]. *Nemetskaya istoricheskaya shkola prava / P. Novgorodtsev, S. Muromtsev, N. Kareev i dr.* [German Historical School of Law; P. Novgorodtsev, S. Muromtsev, N. Kareev et al.]. Chelyabinsk, 2010. Pp. 1–225. (In Russ.).
 33. Oksamytnyy V. V. *Mnogoaspektnost' istochnikov sovremennoy pravovoy sistemy Izraeliya* [Multidimensionality of Sources of the Modern Legal System of Israel]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* – The Bryansk State University Herald. 2013. Issue 2. Pp. 165–168. (In Russ.).
 34. Poldnikov D. Yu. *Nauchnaya doktrina i argumentatsiya sudebnykh resheniy v kontinental'noy pravovoy traditsii: epokha formirovaniya* [Academic Doctrine and Argumentation of Court Decisions in the Continental Law Tradition: Era of Formation]. *Yuridicheskaya tekhnika. Ezhegodnik. Tret'i Babayevskie chteniya: Yuridicheskaya argumentatsiya: teoriya, praktika, tekhnika* [Juridical Technique. Yearbook. Third Babayev's Readings: Juridical Argumentation: Theory, Practice, Technique]. Nizhny Novgorod, 2013. Issue 7. Part 1. Pp. 279–286. (In Russ.).
 35. Przhilenskiy V. I. *Neokantianstvo v sovetskoj i postsovetskoj yurisprudentsii: zhizn' pod chuzhim imenem* [Neo-Kantianism in the Soviet and Post-Soviet Jurisprudence: Life under an Assumed Name]. *German Kogen v istorii russkoy filosofii: tezisy dokladov i programma mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Moskva, 4-5 iyunya 2018 g.* [Hermann Cohen in the History of Russian Philosophy: Summaries of Reports and Program of International Scientific Conference. Moscow, June 4–5, 2018]. Moscow, 2018. Pp. 15–16. (In Russ.).
 36. Solov'ev A. A. *Zarubezhnye modeli i opyt kodifikatsii sportivnogo zakonodatel'stva* [Foreign Models and Experience of Codifying Sport Legislation]. Moscow, 2011. 100 p. (In Russ.).
 37. Uvarov P. Yu. *Istoriya intellektualov i intellektual'nogo truda v Srednevekovoy Evrope: kurs lektsiy* [History of Intellectuals and Intellectual Labour in Medieval Europe: Lecture Course]. Moscow, 2000. 98 p. (In Russ.).
 38. Uspenskaya N. A. *Vysshee obrazovanie v arabskikh stranakh: proshloe i nastoyashchee* [Higher Education in Arab Countries: from Past to Present]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* – MGIMO Review of International Relations. 2014. Vol. 35. Issue 2(35). Pp. 307–312. (In Russ.).
 39. Elon M. *Evreyskoe pravo* [Jewish Law]. St. Petersburg, 2002. 611 p. (In Russ.).
 40. Yumashev Yu. M., Filimonov K. V. *Evropeyskiy Soyuz i mezhdunarodnoe chastnoe pravo: istoki evropeyskogo chastnogo prava (shkola glossatorov)* [European Union and International Private Law: Origins of European Private Law (the School of Glossators)]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* – Law. Journal of the Higher School of Economics. 2009. Issue 1. Pp. 3–20. (In Russ.).
 41. Arnaud A.-J. Les juristes face à la société 1975–1993. *Droit et société*. 1993. Issue 25. Pp. 525–541. (In Fr.).
 42. Arnaud A.-J. Les juristes face à la société du 19 siècle à nos jours. Paris, 1975. 228 p. (In Fr.).
 43. Arnaud A.-J. Reflections on 'Complex Decision' and European Law-Making Process. In: Arnaud A.-J., Olgiati V. (ed.) 'On Complexity and Socio-Legal Studies: Some European Examples'. *Oñati Proceedings. Oñati, IISL-Oñati*, 1993. Vol. 14. Pp. 102–114. (In Fr.).
 44. Barbour W. T. Some Aspects of Fifteenth Century Chancery. *Harvard Law Review*. 1917–1918. Issue 31. Pp. 245–313. (In Eng.).
 45. Bergbohm K. *Jurisprudenz und Rechtsphilosophie: kritische Abhandlungen. Bd. 1, Einleitung. Abh. 1: Das Naturrecht der Gegenwart*. 1892. 566 p. (In Germ.).
 46. Césaro J.-F. et al. *Pour la leçon d'agrégation en 24 heures*. Dijon, 2004. 462 p. (In Fr.).
 47. Delpeuch Th. Une critique de la globalisation juridique de style civiliste. *État des réflexions latines sur la transnationalisation du droit à partir du Dictionnaire de la globalisation. Droit et société*. 2012. Issue 3(82). Pp. 733–761. (In Fr.).
 18. Кая М. 250 хадисов с комментариями о нормах жизни мусульманина / пер. с тур. 2-е изд. М., 2010. 616 с.
 19. Кожевина М. А. Юридическая наука и законотворчество в России: к истории вопроса // Пролог: журнал о праве = Prologue: Law Journal. 2016. № 3. С. 10–13.
 20. Коран: переводы и комментарии. Сунна, хадисы Пророка. М., 2006. 783 с.
 21. Кресин А. В. Немечкая философия национального права в конце XVIII – начале XIX в. и трансформация юридической науки // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 197–209.
 22. Кросс Р. Прецедент в английском праве / пер. с англ. Т. В. Апаровой; под общ. ред. Ф. М. Решетникова. М.: Юрид. Лит., 1985. 238 с.
 23. Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 160 с.
 24. Луковская Д. И. Социологическое направление во французской теории права. Л., 1972. 128 с.
 25. Малиновская Н. В. Исторические корни методологических основ современной правовой интерпретации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 263–269.
 26. Меркель А. Юридическая энциклопедия / пер. Ф. К. Зейделя; под ред. приват-доцента В. М. Грибовского, со второго по осмертного издания А. Меркеля. СПб.: Изд. Юрид. кн. магазина Н. К. Мартынова, 1902. 256 с.
 27. Меркель А. Рудольф Иеринг // Журнал юридического общества: при Императорском С.-Петербургском университете. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1894. Кн. 1. С. 4–31.
 28. Меркель А. Сила и право [пер. с нем.] // Международная библиотека. Одесса, 1895. № 27. 40 с.
 29. Михайлов А. М. Очерки по теории и истории английского права. М.: Юрлитинформ, 2015. 368 с.
 30. Недилько Ю. В. «Комментарии к законам Англии» У. Блэкстона и их значение для разработки способов и правил толкования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 5. С. 78–82.
 31. Немечкая историческая школа права / П. Новгородцев, С. Муромцев, Н. Кареев и др. Челябинск: Социум, 2010. 528 с.
 32. Новгородцев П. А. Историческая школа юристов. Ее происхождение и судьба (1986) // Немечкая историческая школа права / П. Новгородцев, С. Муромцев, Н. Кареев и др. Челябинск: Социум, 2010. С. 1–225.
 33. Оксамытний В. В. Многоаспектность источников современной правовой системы Израйля // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 165–168.
 34. Полдников Д. Ю. Научная доктрина и аргументация судебных решений в континентальной правовой традиции: эпоха формирования // Юридическая техника. Ежегодник. Третьи Бабаевские чтения: Юридическая аргументация: теория, практика, техника. Н. Новгород, 2013. № 7, ч. 1. С. 279–286.
 35. Пржиленский В. И. Неокантианство в советской и постсоветской юриспруденции: жизнь под чужим именем // Герман Коген в истории русской философии: тез. докл. и программа междунар. науч. конф. (Москва, 4–5 июня 2018 г.). М., 2018. С. 15–16.
 36. Соловьев А. А. Зарубежные модели и опыт кодификации спортивного законодательства. М., 2011. 100 с.
 37. Уваров П. Ю. История интеллектуалов и интеллектуального труда в Средневековой Европе: курс лекций. М., 2000. 98 с.
 38. Успенская Н. А. Высшее образование в арабских странах: прошлое и настоящее // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 307–312.
 39. Элон М. Еврейское право. СПб.: Юрид. центр-Пресс, 2002. 611 с.
 40. Юмашев Ю. М., Филимонов К. В. Европейский Союз и международное частное право: истоки европейского частного права (школа глоссаторов) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2009. № 1. С. 3–20.
 41. Arnaud A.-J. Les juristes face à la société 1975–1993 // *Droit et société*. 1993. № 25. Les produits juridiques de l'appareil judiciaire comme objet sociologique. Pp. 525–541.
 42. Arnaud A.-J. Les juristes face à la société du 19 siècle à nos jours. Paris: PUF, 1975. 228 p.
 43. Arnaud A.-J. Reflections on «Complex decision» and European Law– Making Process // A.-J. Arnaud et V. Olgiati (éd.). *On Complexity and Socio-Légal Studies: some European Examples. Oftati, IISL, 1993 (Onati Proceedings, vol. 14)*. Pp. 102–114.
 44. Barbour W. T. Some Aspects of Fifteenth Century Chancery // *Harvard Law Review*. 1917–1918. Issue. 31. Pp. 245–313.
 45. Bergbohm K. *Jurisprudenz und Rechtsphilosophie: kritische Abhandlungen. Bd. 1, Einleitung*.

48. *Doe N.* Fundamentals of Authority in Late Medieval English Law. Cambridge, 1990. Pp. 3–4. (In Eng.).
49. *Gatti-Montain J.* Le système d'enseignement du droit en France. Lyon, 1987. 312 p. (In Fr.).
50. *Ghestin J., Goubeaux G.* Traité de Droit Civil. Introduction générale. Paris, 1990. 891 p. (In Fr.).
51. Islamic Finance for Asia: Development, Prospects, and Inclusive Growth. Manila: Asian Development Bank, 2015. 111 p. (In Eng.).
52. *Moron-Puech B.* État des lieux et propositions nouvelles pour une évolution du concours d'agrégation de l'enseignement supérieur. Revue de Droit d'Assas. 2016. Issue 12. Available at: https://www.u-paris2.fr/sites/default/files/document/brochures_plaquette/rda-12-fevrier-2016.pdf (accessed 10.01.2019). (In Fr.).
53. *Poirmeur Y.* La fin du droit: approches politistes. La fin du droit? Actes du colloque des 5 et 6 décembre 2013. Mare & Martine. 293 p. (In Fr.).
54. *Postema G. J.* Some Roots of the Notion of Precedent. Precedent in Law; ed. by L. Goldstein. 1987. Pp. 9–33. (In Eng.).
55. *Selden J.* Seldeniana: Or, The Table-Talk of John Selden. London, 1789. Pp. 45–46. (In Eng.).
56. *Vinogradoff P.* Collected Papers, Greek Law. Oxford, 1928. Vol. 2. 41 p. (In Eng.).
57. *Wade E. C. S. and Bradley A. W.* Constitutional and Administrative Law. London, 1994. Pp. 31–33. (In Eng.).
58. *Wieacker F.* Privatrechtsgeschichte der Neuzeit. Goettingen, 1967. 659 p. (In Germ.).
59. *Zakharova M. V. and Voronin M. V.* Measure of Freedom in the Context of Legal Regulation of Genomic Research: Foreign Experience. Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores. Year VI. Special Edition. December 2018. Available at: https://dilemascontemporaneoseducacionpoliticayvalores.com/_files/200004128c6b43c7b2e/EE%2018.12.16%20Medida%20de%20libertad%20en%20el%20contexto%20de%20la%20regulaci%C3%B3n%20legal%20de....pdf (accessed 10.01.2019). (In Eng.).
60. *Kerchove M. van de and Ost F.* Le système juridique entre ordre et désordre. Paris, 1988. 254 p. (In Fr.)

- tung. Abh. 1: Das Naturrecht der Gegenwart. 1892. 566 p.
46. *Césaro J.-F.* et alii. Pour la leçon d'agrégation en 24 heures. Dijon, 2004. 462 p.
47. *Delpeuch Th.* Une critique de la globalisation juridique de style civiliste. État des réflexions latines sur la transnationalisation du droit à partir du Dictionnaire de la globalisation // Droit et société. 2012. Issue 3, № 82. Pp. 733–761.
48. *Doe N.* Fundamentals of Authority in Late Medieval in English Law. Cambridge, 1990.
49. *Gatti-Montain J.* Le système d'enseignement du droit en France. Presses Universitaires de Lyon, Coll. Critique du droit, 1987. 312 p.
50. *Ghestin J., Goubeaux G.* Traité de Droit Civil. Introduction générale. Paris, 1990. 891 p.
51. Islamic Finance for Asia: Development, Prospects, and Inclusive Growth. Manila: Asian Development Bank, 2015. 111 p.
52. *Moron-Puech B.* État des lieux et propositions nouvelles pour une évolution du concours d'agrégation de l'enseignement supérieur // Revue de Droit d'Assas. 2016. 12. URL: https://www.u-paris2.fr/sites/default/files/document/brochures_plaquette/rda-12-fevrier-2016.pdf. (date of circulations: 10.01.2019).
53. *Poirmeur Y.* La fin du droit: approches politistes // La fin du droit? Actes du colloque des 5 et 6 décembre 2013. Mare & Martine. 293 p.
54. *Postema G. J.* Some Roots of the Notion of Precedent // Precedent in Law (Goldstein L. ed.). 1987. Pp. 9–33.
55. *Selden J.* Seldeniana, or, The Table Talk of John Selden. London, 1789. Pp. 45–46.
56. *Vinogradov P.* Collected papers, Greek Law. Oxford, 1928. Vol. 2. 41 p.
57. *Wade E. C. S., Bradley A. W.* Constitutional and Administrative Law. London, 1994. Pp. 31–33.
58. *Wieacker F.* Privatrechtsgeschichte der Neuzeit. Gottingen, 1967. 659 p.
59. *Zakharova M. V., Voronin M. V.* Measure of Freedom in the Context of Legal Regulation of Genomic Research: Foreign Experience // Revista Dilemascontemporáneos: Educación, Política y Valores. Year VI. Special Edition. December 2018. URL: https://dilemascontemporaneoseducacionpoliticayvalores.com/_files/200004128c6b43c7b2e/EE%2018.12.16%20Medida%20de%20libertad%20en%20el%20contexto%20de%20la%20regulaci%C3%B3n%20legal%20de....pdf (date of circulations: 10.01.2019).
60. *Kerchove M. van de, Ost F.* Le système juridique entre ordre et désordre. Paris: Presses Universitaires de France, 1988. 254 p.